

Алексей Полилов

АТАМАНОВА КАЗНА

18+

Алексей Полилов
Атаманова казна

«Автор»

2023

Полилов А.

Атаманова казна / А. Полилов — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-91120-8

Доброго вам здоровья, уважаемый читатель. И терпения, если решили ознакомиться с этой книгой. Она посвящена таинственному и неизвестному эпизоду в истории Оренбургского казачьего войска, верности казаков своему слову, трагическим событиям Гражданской войны, людям, которым пришлось пройти через это, и выпавшим на их долю испытаниям. Немного истории, воображения, интриг и приключений вокруг исчезнувшего обоза с войсковой казной. И это первая книга о манящей к себе тайне. Договоримся, что любые совпадения с историческими личностями и событиями случайны. Всем вам мирного неба, здоровья и процветания.

ISBN 978-5-532-91120-8

© Полилов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Порученец атамана	6
Таинственный трофей	9
Ход конём	14
Град Казань	16
Время «Ч»	19
Золотой обоз	21
Марш-марш	25
Тиф	30
Человек в чёрном	32
Аз есмь	35
Превентивные меры	42
Поводок	47
Мокрые дела	51
Бугульма.	57
Капкан	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Полилов

Атаманова казна

Порученец атамана

(10 июня 1918г.)

Пустая жестяная банка порхала по пыльной земле заднего двора стоящего отдельно домика на окраине города, подстегиваемая резкими выстрелами нагана. Моложавый штабс-капитан с полуприседа стрелял от бедра, не выцеливая, упреждая остановки изорванной пулями жестянки, успевая перемещаться по часовой стрелке внутри двора.

– Ваше благородие, господин штабс-капитан! Войсковой атаман вызывает, извольте в штаб, ваше благородие! – посыльный казак осторожно проскользнул в калитку с улицы, и с любопытством посмотрел на изувеченную банку.

– Иду, Абрамов, не шуми.

Отщелкнув барабан штабс-капитан не торопясь заменил израсходованные патроны, убрал наган в кобуру и отряхнув гимнастерку, от поднятой выстрелами рыжей пыльной взвеси, вышел на улицу, вслед за посыльным. В седло взлетел едва коснувшись рукой луки, чем заслужил одобрительное хмыканье Абрамова, и коленями послал вороного коня рысью, по пустынной полуденной улице. Посыльный тронул нагайкой круп своей кобылы и она зацокала подковами следом.

В ставку войскового атамана штабс-капитана пропустили беспрепятственно, как-никак: офицер для поручений, а всё ближнее окружение атамана караул знал в лицо. Дутов стоял у распахнутого окна и смотрел на видневшуюся за окраиной Тургая степь. После перенесенного тифа он старался чаще быть на свежем воздухе.

– Господин Войсковой атаман, генерального штаба штабс-капитан Туманов прибыл в ваше распоряжение!

– Проходите, штабс-капитан. Сурмин, сделай нам чаю... – бросил Дутов в приоткрытую дверь кабинета, подходя к столу. – Садитесь. Новости из дома были?

– Нет, Александр Ильич, семьи уже нет... Вы знаете.

Дутов оценил выдержку штабс-капитана. Два месяца назад Туманов встретил земляка, от которого узнал о гибели родителей – в конце января в Омске сгорел их дом, на пепелище обнаружили останки. Соседи говорили о поджоге, грабежи зажиточных горожан в период безвластия никого не удивляли.

– Пришло сообщение: два дня назад Омск взят. Появилась возможность навести справки.

– Благодарю. Это уже ничего не изменит...

Адъютант занес чай, и угадав мысленный посыл атамана закрыл за собой дверь кабинета.

– Что-ж, к делу. Сергей Аркадьевич, не секрет, что войсковое Правительство испытывает крайнюю нужду в финансировании. Оружие и боеприпасы тоже не в изобилии, посевная почти сорвана, а не уберем урожай – положение станет аховым. Сытые семьи – бодрый казак в строю... – Дутов слегка запнулся, уловив некоторую некорректность сказанного. – Через два дня спланировано выдвижение к Оренбургу, Тургайское сидение заканчивается. Освобождены Челябинск и Самара, второго дня там сформировано нечто подобное правительству – Комитет членов Учредительного собрания... Позже увидим, что это за правительство, но Оренбург потребует от нас денежных средств уже завтра, а оприходованные тут, в Тургае, два с половиной миллиона романовских рублей наполовину потрачены, и положение дел не исправят. Казну пополнять кроме нас самих некому, обложениями, налогами и трофеями всех прорех не закрыть. Разумеется с Самарой, этим Комучем, связь будет установлена, но обнадеживать

себя не стоит, скорее всего, для нас денег у них не найдётся. Таково существующее положение дел. – Дутов снова подошел к окну.

– Как близко ты знаком с Каппелем? – неожиданно спросил он.

– Назвал бы наши отношения товарищескими, но не более. – Туманов не удивился вопросу, и ответил сразу. – Часто встречались в штабе фронта, меня отправляли с разведдонесениями лично, Брусилов предпочитал устные доклады телеграфу и документам, *ты знаешь*. – Совместная служба Дутова и Туманова на Юго-Западном фронте, и участие в ставшем впоследствии легендой Брусиловском прорыве, сдружила обоих офицеров, и не на публике общение было приватным. – Каппель принимал участие в планировании Луцкого прорыва, числился штаб-офицером для поручений по Управлению генерал-квартирмейстера. Толковый офицер, решительный и смелый. В общем – *товариществовали*.

– Вы с ним ровесники?

– Два года разницы, я с 1885-го.

– Есть информация, не проверенная, суточной давности, что он возглавил добровольческие части Комуча, в Самаре. Впрочем, зная его характер уверен – он уже не в Самаре, на месте сидеть не будет. – Атаман резко повернулся к Туманову и улыбнулся – что же, Серж, вступление отзвучало, перейдём к основной части.

Дутов сел за стол напротив Туманова, сдвинул в сторону стаканы с остывающим чаем и продолжил несколько тише:

– Твои коллеги из разведки утверждают, что в Казани находится на хранении золотой запас России. Туда эвакуирована вся царская казна. Хранилище было готово еще в 14-м, сейчас оно запущено в работу. С

достаточной долей вероятности предположу, что новоявленный Комуч, собрав силы, обязательно предпримет попытку захватить это хранилище, после того, как создаст плацдарм в Поволжье и выйдет на оперативный простор. Имея Каппеля во главе своих частей это становится даже неизбежным. Думаю, что всё произойдет не позднее августа.

Так вот... – Дутов откинувшись на спинку стула внимательно посмотрел на штабс-капитана. – Есть соображение, что в момент штурма Казани появится возможность отбить из хранилища *большевиков* энную часть *средств*, для формирования собственно войсковой казны. Именно в это время, ибо позже содержимое хранилища обретет *нового* хозяина, или останется у *старого*. Таков *мой* оперативный замысел, Серж. Что скажешь?

Туманов не торопился с ответом, разглядывая атамана. Выдержав паузу, без суеты ответил:

– Александр Ильич, замысел не плох. Однако его успех зависит от приданных сил и средств, и от удачливости командира. Кому будет поручено?

– Тебе, Сергей Аркадьевич. Объясню почему: первое – ты казачьего рода, второе – я знаю твои возможности, третье – ты же бывал в Казани? Ну вот... Да, ещё одно – ты первый, с кем это обсуждаю.

– А... коллеги из разведки, предоставившие информацию?

– Они получили общий запрос на оперативную обстановку в Поволжье, по Казани в том числе.

– Силы и средства?

– Подберешь десяток парней, на твоё усмотрение, из любого подразделения. Оружие и боезапас – по твоему требованию. Это в общих чертах, детали обсудим позже, и времени у тебя на подготовку – пара недель, не больше. Успеешь?..

Туманов успел. Всех отобранных кандидатов заставлял заполнять составленные им лично анкеты, с каждым говорил отдельно, приватно беседовал с начальниками каждого и только потом составлял окончательное мнение о кандидате. Из трёх десятков отобранных казаков окончательно выбрал десять, и вышло так, что в выбранными оказались сплошь казаки из

конвойного полка Дутова. Каждый из них имел боевой опыт, навыки выживания, был физически крепок, дисциплинирован, не болтлив, все семейные, в основном с Южного Урала. Кроме того, каждый обладал индивидуальными навыками, полезными в команде. В отряд вошли:

Поздеев Сидор, 35 лет, толковый оружейник, любое оружие починит на коленке; Лисин Корней, 33 года и Малютин Фёдор, 34 года – оба плотники, родились с топором в руках; Шукин Семён, 35 лет, кузнец и механик; Суматов Илья, 28 лет, сапожник, скорняк; Шумилов Иван, 29 лет, печник, каменщик; Филатов Герасим, 31 год, следопыт и разведчик; Нуртдинов Хамза, 30 лет, ходячий компас, ориентируется на любой местности с закрытыми глазами; Шайдаулетов Рахим, 29 лет, охотник промысловик, рыбак, лучник, ловко обращается с арканом; Аюпов Юсуп, 35 лет, владеет народным целительством, как говорят в народе «видит» и «знает». Трое последних, как и сам Туманов, месяц как из госпиталя, куда попали с тифом.

Своим помощником Туманов назначил Филатова.

Таинственный трофей

(22 июня 1918г.)

Формирование команды было завершено, и она была собрана в полном составе в штабной избе станицы Ильинская, где еще раз перепроверяя список отобранных им казаков, Туманов невольно вспоминал тот случай на фронте, который впоследствии сблизил их с Дутовым.

...В середине ноября 1916 года, в Трансильванских Альпах германцы гнали румын уже по их родной земле и вот-вот должны были занять местечко Драгашани, что в жудеце Выла, проще говоря – пёрли на Бухарест так, что румыны не успевали отступать. Фронтальная разведка русской армии, прикрывающей драп последних, действовала в условия рваной и постоянно меняющейся линии огневого соприкосновения (германская, впрочем, тоже), и задача стояла: добыть сведения не успевавшие потерять свою актуальность, до принятия по ним решения в штабах фронта. Группа штабс-капитана Туманова действовала автономно, в свободном поиске, и должна была в сжатые сроки добыть мало-мальски информированного офицера германской армии, для уточнения оперативных замыслов развивающегося наступления войск Центральных держав. Туманов с тремя бойцами войсковой разведки вторые сутки старательно изображали крестьян, кои в винодельческом крае были привычным явлением. Действовали на ближних подступах, поэтому пешком накручивали по горам и ущельям до 20 верст за день, спинным мозгом ощущая, как катастрофично уходит отпущенное на рейд время. На исходе вторых суток наткнулись на рейдовую группу германской разведки, видимо только что расположившуюся для оперативного допроса пленного, которого тащили с собой связанным и с мешком на голове. Ну, как наткнулись... Свалились им на голову с террасы виноградника, когда один из бойцов Туманова, Сыч, молча поехал юзом по осклизлой земле и увидев внизу супостата при оружии, прежде чем свалиться на голову германского дозорного, успел подать обговоренный заранее знак – сжал кулак, согнув в локте правую руку, ей же и навернул в падении по лбу только и успевшего поднять вверх голову германца. А дальше ссыпался сверху Туманов со товарищи, отстав на пару мгновений, и сходу сваливаясь в боевой транс. Бой в ограниченном виноградником пространстве был молниеносен, из пятерых вражбых разведчиков четверо полегли практически сразу: один со сломанной шеей от удара кулаком в лоб, двое получили по удару тесаком в грудь. Четвертому Туманов просто свернул голову и метнулся к последнему, который заторможенно заносил над связанным пленником офицерский кинжал, оторопев от развернувшейся, да тут же и завершившейся баталии, говоря проще – застрявшему в ступоре. Пнул носком сапога локоть вооруженной кинжалом руки, сбил траекторию возможного удара, этим же сапогом снёс в ухо немца наземь, добавил локтем. Перевернув его на живот, не мешкая взял обе руки на болевой контроль, стиснул коленями вражью спину, вдавил пальцы в глазницы и задрал германскую голову кверху так, что затрещали шейные позвонки. Только после этого окинул взглядом место сражения, медленно возвращая сознание в обычный режим рейда.

– Сыч, Перший – на стремя, Сено – за этим смотри, – кивнул на застывшего от непонятного шума стреноженного пленного, с мешком на голове.

Сноровисто сложив за спиной руки подмятого под себя германца, Туманов связал их бечевой, завел петлю на шею и зафиксировал за ноги, подтянув их к спине. Сорвал платок с шеи немца, свернул кляп и сжав челюсти сунул ему в разинутый рот. Теперь и с пленником можно познакомиться.

Содрав с его головы мешок увидел молодое лицо, с аккуратными усиками пшеничного цвета, вихрастой прической и кляпом во рту. Из под грубой мешковины были явлены на половину оторванные погоны хорунжего, что в купе со светло-голубыми лампасами штанин недвусмысленно давали понять – перед ним казак-оренбуржец. По кивку Сено одним движением полоснул по связанным за спиной рукам пленника, а Туманов аккуратно вытащил кляп.

– Здорово дневал, станичник? – спокойно спросил Туманов у растиравшего руки хорунжего. Тот настороженно смотрел на неправильного крестьянина, в юфтевых офицерских сапогах под напускными грубыми штанинами и не торопился отвечать оценивая обстановку. Наконец, смахнув рукой с губ ворсины кляпа, ответил:

– Слава Богу, не бедствую... А вы кто, хлопцы?

– Какой любознательный... Сначала расскажи кто *ты*. Почему связан. Кто эти? – Туманов кивнул на остывающие тела убиенных германцев, которые деловито уже обыскивал Сено. – И быстрее, хорунжий. Времени на размышления тебе не отпущено.

– А мне и не надо, дуйте-ка вы дальше своей дорогой, партизаны. От многих знаний – многие хлопоты, слышали небось?..

– Какие мы недоверчивые... – ухмыльнулся Туманов, – если думаешь что весь этот спектакль в твою честь, посмотри туда... – он показал клинком на лежащие тела – Представляться тебе не буду, а общих знакомых назову, коли поймёшь о чём я: Келлер-Марков, Печёнкин-Дутов. Давай, соображай быстрее, хорунжий.

Назвав фамилии бывших и действующих командиров дивизии и полка, Туманов рассчитывал на осведомленность и понятливость офицера. Очень рассчитывал, в противном случае пришлось бы с ним *расставаться* не по хорошему. Хорунжий косо посмотрел на то, как Сено вспарывал острым тесаком амуницию с подплывающих кровью трупов, практично накинув на располосованные шеи и вывернутые головы плащевые накидки, чтобы не привлекать раньше срока местных стервятников. Обнаруженное в карманах он складывал отдельной стопкой, на расправленный вещмешок.

– Пожалуй, что и так... – произнес пленник, и решив что-то про себя, ответил:

– Хорунжий 1-го Оренбургского полка Василий Котельников, офицер для поручений при штабе. При выполнении задания командования был схвачен...

– Где? Когда? Что было с собой, документы, карты?

– В нашем тылу, на рокаде. Сегодня утром, в 10-00 выехал из расположения, без сопровождения, ну и... Коня подсекли растяжкой, встать не успел, оглушили, стреножили. Был послан с устным сообщением к артиллеристам, для корректировки огня. Личные документы у этого, похоже, – хорунжий кивнул на начавшего хрипеть и дергаться связанного Тумановым германца.

– Допрашивали?

– Нет. Очнулся к полудню, тащили на волокушах, потом заставили идти самого, тыкали штыком – хочешь не хочешь, а ногами зашевелишь.

– Ясно. Ну, посиди пока в сторонке. Сено, контроль.

Осмотревший тела воин, подтащив к Туманову вещмешок с трофеями, переключил своё внимание на хорунжего: подмигнул ему без улыбки, и взяв безопасную дистанцию продемонстрировал наган в руке. Туманов слегка ослабил петлю на шее тевтона, и оставив его лежать на боку выдернул кляп.

– Герр понимает по русски? – спросил тихо, сноровисто приступив к осмотру карманов пленника.

– *Verstehe nicht*, – проскрипел тот, зло косясь на Туманова из неудобного положения.

– Ну надо же. Как же герра в тылы послали, такого безграмотного. Не беда, *Ich verstehe Deutsch*.

Германец зло дернул подбородком, когда Туманов рывком развернул его на земле так, чтобы он в упор смотрел на остывающие трупы своих товарищей. Затем он произнёс на хорошем немецком:

– Скажу сразу, герр тевтон: будете молчать – умрёте мерзко, но расскажете всё, что мне нужно, это я умею. Расскажите сами – умрёте достойно, даю слово. Выбирайте: остаться тут безвестной падалью, с выпущенными потрохами, или быть похороненным под своим именем, как солдат Германской империи. Итак: звание, имя, воинская часть, фамилия командира. Отвечать быстро, думать не нужно!

– Отвратительный немецкий... – по русски пробормотал германец, стараясь сохранить лицо. Его глаза бегали и выдавали понимание безысходности, с которой мириться он не хотел.

– Зато воюем хорошо, – парировал по-немецки Туманов ничуть не удивившись, – и на вопросы, герр, ответа я не услышал.

С этими словами он пальцем левой руки оттянул германцу ворот, и кинжалом последнего, которым поигрывал в руках во время допроса, одним плавным движением вспорол ему всю амуницию вместе с исподним, до паха, оголив бледную волосатую грудь с серебряным медальоном на цепочке, живот и волосатый, рыжий лобок. От неожиданности немец дёрнулся и попытался отодвинуться от Туманова, но тот быстро переместился к нему, восстанавливая угрожающую близость клинка к паху. Упершись спиной в виноградную лозу германец быстро проговорил на немецком:

– Майор Георг Фон Веттин, фронтовая разведка 9-ой армии Эриха фон Фалькенхайна..., оперативный штаб части в Сутешти...

– Пленного допрашивали? – Туманов дернул клинком в сторону смотревшего на них хорунжего.

– Нет, только сделали первый привал, собирался допросить.

– Что за медальон? – спросил Туманов острием клинка поддел цепочку на груди немца.

– Это фамильное. *Это...*

– Я возьму его, – Туманов сдернул медальон и открыв крышку в виде сердечка внимательно осмотрел содержимое, – Хм, да у вас дурная наследственность, герр майор. Яд?

Немец отвел глаза и промолчал.

– Ну, ясно с вами, – пробурчал Туманов убирая медальон в карман, – последний вопрос: эвакуация вашей группы предусмотрена? До Сутешти пешком не близко, – он внимательно следил за реакцией майора на вопрос и увидел то, что и ожидал: вильнувший вверх-вправо взгляд и чуть дернувшийся кадык.

– Где и как? Быстро! – Туманов убедительно опустил острие клинка к паху германца и надавил, пустив пару капель крови.

– Автомобиль через три километра, на перекрестке у дома лесника!

– Кто встречает?

– Офицер штаба майор Отто фон Грюнберг...

Георга фон Веттина со товарищи оставили в винограднике, с именовым кинжалом в сердце и с запиской в кармане, как и обещал Туманов. Но *до этого* хорунжему Котельникову вернули его документы, обнаруженные у майора и отправили самоходом в свой полк, обозначив направление и с условием лично доложить командованию о происшедшем. А Отто фон Грюнберга взяли живым и на его же автомобиле прибыли в свое расположение, сэкономив кучу времени и успев к означенному командованием сроку. Котельников добрался до полка и доложил о происшествии Дутову, последний нашел Туманова и выразил благодарность за спасение своего офицера, а так-же за то, что не было большого шума – докладывать в письменном рапорте о Котельникове Туманов не стал, чем сохранил молодому офицеру доброе имя. Вот, собственно, и вся подоплека их знакомства, которое переросло в дружеские отношения. В январе 1917 Котельников погиб от прямого попадания снаряда в штабную палатку, а через

год, в январе 1918-го Дутов, встретив Туманова в Оренбурге, через который тот возвращался домой к родителям в Омск, предложил ему должность офицера для поручений при Войсковом атамане. Так они и оказались вместе. Единственное, о чём впоследствии жалел Туманов – что добирался через Оренбург, ибо выбери тогда он другую дорогу, то в январе был бы уже в Омске, и возможно родители остались бы тогда живыми, да и дом целым...

—

Туманов часто размышлял, как и почему отец не сумел оказать сопротивление убийцам? Что произошло убийство Туманов не сомневался, он это почувствовал ещё тогда, в начале января: сердце замерло в смертной тоске, а ночью, во сне, пришёл дед и молчал, потом за его спиной он увидел силуэты отца и матери, он вглядывался в них и не мог понять, что изменилось во внешности близких ему людей... потом всё исчезло, и он проснулся. Деда Василия помнил хорошо. Никто не проводил с ним больше времени, чем дед. С 3 лет он возился с ним, играя учил танцам, учил бегать, плавать, держаться в седле, заставлял носить с собой деревянный ножик, шутя боролся – Серж не чаял в нём души. Отец поощрял эти занятия, и будучи сам неплохим кулачным бойцом смотрел на результаты взросления сына несколько ревниво (в отличие от деда, успевшего повоевать в Русско-Кокандскую войну под Ак-Мечетью, отец не был военным). К 10 годам дед научил его основам кулачного боя, а к 14 сделал из него настоящего воина. Тайны и секреты родового искусства передавал осторожно, постепенно, уверяясь в том, что внук освоил ранее сказанное и показанное на «ять». В верховой езде и стрельбе деда он тоже радовал, клинковое и холодное оружие чувствовал продолжением своих крепких рук, рубился с азартом и каким-то наслаждением. И тогда дед научил его входить в «силу». Короткая молитва воина перед боем и широкое крестное знамение – этот ритуал был основой для получения «силы», и первый раз свалившись в боевой транс Сергей радостно засмеялся, ощутив за своей спиной тепло и свет от ушедших ранее своих пращуров. С той поры эта поддержка была рядом с ним всегда, когда он входил в «силу», и любой бой казался ему детской игрой. Дальше было всё интереснее, дед научил его справляться с болью, не бояться крови, врачевать лёгкие раны. А вот входить в «силу» через мыслеформу, в течении пары секунд, он научился сам, чем удивил своего учителя. Закончилась их тесная дружба естественным образом, 78 лет от роду дед Василий ушёл, оставив внуку всё, что смог. Его присутствие Туманов всегда ощущал, когда входил в «силу», боевой транс, а вот во снах видел редко. И предложение Дутова Туманов принял не раздумывая следуя наказу деда: *У воина нет цели, только путь.*

—

- Встать! Господин Войсковой атаман, по Вашему приказанию...
- Вольно всем. Здорово дневали, братья! – Дутов энергично вошел в штабную избу, где был собран отряд Туманова.
- Слава Богу!

Казачи внимательно и настороженно смотрели на атамана, на то, как он прошел к иконе и перекрестился, как сев за крепкий стол станичной канцелярии в упор посмотрел на собравшихся и улыбнулся. Заулыбались и казаки, возвращение с киргизских степей на территорию Войска вселяло уверенность и надежду на скорые перемены к лучшему.

- Доложите, что сделано, Сергей Аркадьевич.
- Состав команды отобран из казаков атаманского Конвойного полка. Оценка боевых качеств и специальных навыков проведены. Экипировка соответствует условиям выполнения поставленной задачи. Вооружение получено сообразно требованиям: винтовки, наганы, боеза-

пас, гранаты, клинковое оружие, противогазы. Десять лошадей, плюс три заводные. Кормовой припас и денежное довольствие выписаны. По списку подготовлены требования начальникам станций железной дороги, на перевозку команды до места назначения. Всё.

Дутов слушая доклад Туманова внимательно рассматривал сформированную команду и выдержав паузу обратился к собравшимся:

– Мы вернулись в свой дом, братья, чтобы навести в нем порядок. Выгнать из него нечисть, воздать по заслугам врагам, восстановить порушенное хозяйство, прежнюю трудовую и спокойную жизнь. Ваш отряд, под началом штабс-капитана Туманова, будет командирован для выполнения задания войскового Правительства *особой важности*. Впредь, до убийства, отряд должен находиться в сборе и готовности к немедленному выдвиганию. Суть задачи до вас доведет командир, когда этого потребует ситуация. Вне расположения вести разговоры о целях и задачах отряда запрещаю! – атаман поднялся, вскочили и казаки, принимая строевую стойку. – Есть данные разведки, что в Кувандык прибыл бронепоезд красных, и сегодня нам предстоит бой с большевиками, которых мы обязаны одолеть и открыть прямой путь на Оренбург. Это будет очередной и завершающей проверкой ваших воинских навыков и умений. Дальнейший боевой путь вашего отряда будет самостоятельным, и я уверен – успешным! На молитву!

...В том бою под Кувандыком отряд Туманова, действуя автономно, сумел сковать свободу маневра бронепоезда повредив железнодорожные пути, и уничтожив телеграфную линию обеспечил уверенное наступление основных сил казаков. Подкрепление красные вызвали уже через радиосвязь бронепоезда и бой затянулся. Потерь в отряде не было, что удивительно, хотя с каждой стороны они были до трех десятков только погибших. После боя Дутов устным распоряжением перевел отряд в личный резерв атамана Войска. Ну, резерв и резерв... поэтому, когда 13 июля вместе с конвоем Войскового атамана отряд убыл из расположения в Оренбурге на загрузку по вагонам, никто не придавал этому значения.

Ход конём

(15 июля 1918)

В Самаре Дутову удалось приватным образом встретиться с Каппелем, и представить ему Туманова в новом качестве своего офицера для поручений. Уделив положенное вежливостью время воспоминаниям совместной службы на Западном фронте, офицеры вернулись к своим служебным делам – атаман отправился знакомиться с руководством Комуча, Каппель продолжил подготовку марша русско-чешского отряда, которым он командовал, на Симбирск, а Туманов, условившись с ним о вариантах связи, скрытно повёл свой отряд на Ставрополь, начав путь в сторону Казани.

(Дутов вернулся из Самары в Оренбург 19 июля 1918 года главноуполномоченным Комуча на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области, и вскоре по возвращении отправился в Омск – налаживать контакты с властью в Сибири. О его личном резерве никто в войске уже и не вспоминал).

Конный марш в 300 верст не предполагал особых хлопот, сплошной линии фронта, как таковой, не было, боевые действия велись в основном вдоль железных дорог, да стояли гарнизоны в крупных поселениях и городах. Тем не менее, Туманов принял решение прокладывать маршрут движения отряда вдали от трактов и населенных пунктов, используя для скрытности и маскировки леса, проезжие балки, овраги и ночное время. Почти до самого Мелекесса двигались по территории подконтрольной Комучу, обходя сам город как можно восточнее. Походный порядок был определён следующий: в светлое время авангардом впереди двигались двое дозорных, затем основной состав отряда с вьючным обозом из трёх лошадей, и аррьергард из двух же верховых. Ночью порядок менялся – впереди двигался сам Туманов, следом колонной по одному весь отряд с замыкающим-дозорным. Через каждые три часа делали часовой привал, выставляя караул. Если местность была открытой, то день пережидали в первом же укрытии, а ночью навёрстывали упущенное. В попадавшихся в стороне от маршрута деревеньках по потребности разжигались нехитрой снедью, отправляя двух пеших.

Железную дорогу с Мелекесса на Бугульму пересекли без происшествий, предварительно изучив режим перемещения дозорных разъездов и прикрывшись темнотой безлунной ночи. Пройдя лесным массивом восточнее Тахталов спустились к открытой местности Спасска и двинулись к Камскому устью, рассчитывая переправиться через Каму в районе Табаева-Епанчино. Но на месте планы пришлось перестраивать – дозор заметил пикеты красноармейцев на паромной переправе через Каму. Крутизна и открытость берегов, течение и ширина реки делали незаметную переправу вплавь крайне сложной, а риск обнаружения и возможного преследования подтолкнул Туманова к решению переправиться паромом. Отряд двигался без знаков различия, документы на красноармейцев были выправлены Тумановым еще в Оренбурге, поэтому в колонну одвуконь подошли к переправе, выждав, когда паром подтянулся к левому берегу и выпустил на берег пару подвод с лесом. На берегу грелись у костра два красноармейца в солдатских шапках, дымя самокрутками и накинув на плечи шинели – вечерело, от реки тянуло прохладой. Завидев приближающийся отряд караульные подобрали винтовки и оба двое встали у дороги, с интересом наблюдая за всадниками. Пропустив скрипевшие на подъём подводы Туманов подъехал к посту и кинув руку к козырьку фуражки бодро поинтересовался:

– Как служба, товарищи?

– Здравия желаем, товарищ, – старший караула ответил на приветствие, и не удостоив ответом на вопрос бдительно поинтересовался, – Что за отряд? Куда следуете?

– К председателю местного сельского совета, товарищ. По распоряжению командования производим расквартирование частей, прибывающих на укрепление фронта. Скоро наступление, слышали наверное? Кто местный председатель, как его найти?

– Чего так много-то вас? Вами как-раз и фронт усилить можно, – не улыбочиво пошутил второй караульный.

– В каждом поселении приказано оставить наблюдающего за выбранными помещениями. Вот у вас, если подберем подходящее – и оставим бойца.

– Ну, двигайте по улице, найдете Бикмухаметова, с ним говорите, он председатель. – караульные утратили особый интерес к всадникам, придвинувшись к затухающему костерку. Паромщик настороженно зыркнул на запыленных верховых, но ничего не спросив махнул рукой – заезжай, мол. Отряд погрузился на паром, паромщик заскрипел воротом, мотая смазанный дегтем трос, волна упруго застучала в деревянные борта.

– Как вашего председателя зовут, отец? – обратился к паромщику Туманов, протянув тому папиросу.

– Нурмухамат зовут. Только нет его в селе, на покосе он, – паромщик отвечал нехотя, сунув папиросу за ухо и продолжая крутить на ворот.

– Давай подмогнем, абзы, зачем в одну спину гнёшься, – Аюпов и Нуртдинов подошли к паромщику и вдвоём налегли на ворот.

– Рахмат, улым, не сломайте ворот, уплывем до Волги тогда... – паромщик был рад неожиданным помощникам.

Прощаясь Туманов сказал паромщику:

– Увидишь Бикмухаметова, передай ему – на обратном пути заеду, не будем сейчас его искать... – и не ожидая ответа повел коня с парома.

На берег отряд съехал уже в сумерках, быстрым аллюром пропылил через село и выехав за околицу, а за первым же поворотом свернул с дороги левее, в ближайший лесок. Теперь до самой Казани никаких преград на пути не было, оставшиеся 65 верст прошли за два дня. Туманов вёл отряд к деревне Горки, что от Казани была в 4,5 верстах, и недалеко от которой, в лесу, находилась пасека архиерейского подворья, достаточно скрытая от посторонних глаз и где могли разместиться два десятка верховых, так что для его отряда места там было с избытком.

Про пасеку Туманов в своё время узнал так. В начале июля 1914 года от отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба его, в качестве специалиста по рукопашному бою, командировали в Казань, где проводили курсы для военных разведчиков. Тему преподавал князь Голицын Константин Александрович, молодой человек 21-го года от роду, всего год назад закончивший Александровский лицей. Однако, не смотря на молодые годы он был отменным бойцом, впитав с пелёнок родовую культуру рукопашного боя. Занятия вёл азартно, легко входил в кураж, был легок и быстр в движениях и имел уникальную технику удара, причем практически любой частью своего тела, чем успешно пользовался против нескольких противников. Своим коньком считал использование в бою подручных средств, легко демонстрируя это, отбиваясь пехотной лопатой от четырех рослых бойцов, вооруженных винтовками со штыками, превосходящих его ростом и весом. С Тумановым они подружились быстро, проведя несколько показательных спаррингов для курсантов. Продолжили общение уже на архиерейской пасеке, куда были приглашены лично управляющим архиерейского подворья, служившим ранее у Голицыных и случайно встретившим князя в городе. За застольем в большой гостевой избе князь тактично поинтересовался, откуда у Туманова такие навыки боя, а узнав о родовой воинской культуре сибирского рода Тумановых почтительно приложил правую руку к сердцу, в знак уважения. Расстались тогда друзьями. А через месяц начавшаяся война раскидала их по границам Империи. Сейчас Туманов рассчитывал разместить на пасеке свой отряд, так как в Казань он собирался ехать один, одному было проще провести необходимую разведку.

Град Казань

(26 июля 1918г.)

Пасека оказалась в целостности и сохранности, но пустующей. Видимо гражданская война смела бывших хозяев в иные края – разбираться с этим и искать другую базу было некогда, поэтому отряд принялся обустроиваться на новом месте. Лошадей разместили в большом омшанике, избу привели в порядок для караульной надобности, в гостевом доме разместились отрядом. Выставили караул: один караульный в расположении и дозорный на подъезде, в полуверсте. Следующим утром, обговорив с Филатовым варианты связи, переодевшись в штатское Туманов убыл в Казань.

Проехав на извозчике по улицам города Туманов осмотрел место предстоящей операции – здание Государственного Банка на Большой Проломной. Обратил внимание на караул у входа, на штаб Восточного фронта большевиков с активно перемещающимися военными, затем проехал на Большую Лядскую, где стояли гостиница «Волга» с рестораном и разместившееся неподалеку управление ГубЧК. Оттуда прокатился на городскую пристань и, в конце концов, велел везти себя на окраину города, ближе к городскому кладбищу, где уже начинался промышленный район, решив снять комнату там, подальше от суеты, проверок и неожиданных встреч. Договорившись с хозяйкой квартиры в добротном кирпичном двухэтажном доме об отдельной комнате, он рассчитался за месяц вперед, представившись коммерсантом с Симбирска, ведущим свечной и мыловаренный бизнес, и отправился уже пешком осматривать окрестности. С удовлетворением обнаружил несколько открытых склепов на пустынном городском кладбище, прошел через территорию расположенного неподалеку госпиталя, оценил небогатый автопарк из двух автомобилей: открытого легкового форта и санитарного грузовика.

Следующие два дня он потратил на *подробный* осмотр центра города и собственно здания Банка, близлежащих дворов и проездов. Привычно зафиксировал немалое количество штатских с военной выправкой и места их наиболее частого появления. В одно из таких мест – ресторан гостиницы «Волга» – и отправился вечером. Заказав скромный ужин с шардоне, комфортно разместился за угловым столиком и принялся ждать. Помимо редких служащих и пары лиц явно *наблюдающих*, масса вечерних посетителей в половине своей была представлена молодыми и не очень людьми, с осанкой и выправкой военных, которую скрыть можно было разве что под большим тулупом ямщика с поднятым воротом. В целом это не было чем-то необычным для российских городов того времени: Брест-Литовский мирный договор вернул из окопов на улицы огромное количество офицеров, прапорщиков и солдат, как постоянного состава, так и ополченцев. Дамы в зале присутствовали тоже, но скорее как прилегающий к мужчинам фактор. Туманов ждал *контакта*. Об активной деятельности антибольшевистского подполья в Казани его коротко проинформировал Каппель, и вероятность того, что новое лицо в ресторане будет замечено, изучено и проверено оценивалась им в 99%. Поэтому он не удивился, когда за столик подседа дама слегка навеселе и попросив угостить папироской, очень мило попыталась завести разговор об одиночестве, о суровых сердцем защитниках отечества и чудесном летнем вечере. Туманов кожей ощутил внимательный взгляд из зала, понимая, что это оно самое и есть. Угостил папироской, налил бокал вина, вежливо улыбнулся, попрощался и не спеша двинулся на выход, коснувшись двумя пальцами кончика шляпы. За ужин он рассчитался заранее.

Ночной речной воздух обострил запахи, а реакция у Туманова и без того была всегда на уровне, поэтому когда в ближайшем дворовом проулке он уловил вкус сигары и одеколона, то

бил не в полную силу – не босяки, с ними ещё предстояло работать: двоих, быстро вышедших ему навстречу, снёс одним ударом правой (первого кулаком, второго локтем и на обратном движении ещё добавил первому), а третьего круглолицего, с франтоватыми усиками, в прыжке вбил двумя ногами обратно в темный двор, не дав вытащить наган из-за пояса. Собственно, вот и всё знакомство. Затащил всех троих подальше во двор, быстро осмотрел карманы, и отбросив в сторону еще один наган и клинок в ножнах, пошёл своей дорогой.

Следующим вечером в ресторане к его столику подошёл человек лет 30-ти, держа в руках бутылку коньяка и приязненно улыбаясь.

– Почту за честь завести знакомство, – шевельнув короткими усами произнёс он, презентуя бутылку Туманову – Рядов Николай Фомич, к вашим услугам...

– Лукин Фрол Ксенофонович, коммивояжёр, милости прошу, – Туманов указал на свободный стул.

– Рад знакомству, господин *коммивояжёр*, – молодой человек слегка наклонил голову, не отпуская взглядом Туманова, – но мне показалось, что вам больше подходит чин штабс-капитана, прошу меня извинить, если ошибся.

– У нас есть общие знакомые? – Туманов осмотрел зал, боковым зрением контролируя визитёра, – И чем обязан вашему вниманию?

– Теперь уже есть: та троица, с которой вы невежливо объяснились, – молодой человек слегка наклонился к Туманову и тихо произнёс – вы догадались проверить свои карманы со вчерашнего вечера?

Туманов оценивающе осмотрел фигуру собеседника.

– Не удосужился. И что же там, в моих карманах? – (вчера он уже ознакомился с неожиданной находкой, но решил подождать естественного развития событий).

– В правом боковом. Будьте любезны...

Туманов аккуратно достал из правого бокового кармана плотную картонку визитной карточки. Не торопясь, с выражением прочитал вензельное:

– «Союз защиты Родины и свободы». Лихо. Когда же это вы успели?

– Вчера, господин штабс-капитан, пока вы изволили тащить наших людей в подворотню. Что же вы так не внимательны? А если бы вас сдали с этой карточкой ГубЧК?

– Так не сдали же. Что говорит о вас, как о людях серьёзных, – Туманов улыбнулся, – штабс-капитан Туманов. Честь имею.

– Прапорщик Клепинов, Флеогонт Францевич. Честь имею.

Туманов был наслышан о структуре Савинкова и его личном телохранителе, но на встречу с последним и не рассчитывал. Разговор продолжили в квартире на Рыбнорядной улице, где оказалось что-то вроде оперативного штаба. Туманова поначалу не на шутку встревожила этакая деконспиративная откровенность Клепинова, но тот, почувствовав настороженность штабс-капитана, разъяснил ситуацию – Туманова узнал поручик Балугев, некоторое время служивший в штабе Западного фронта, где часто встречал Туманова и слышал отзывы и оценки о нем штабных офицеров. Сам он с ним не был знаком, а после ранения весной 1918 года его комиссовали. Сейчас он возглавлял боевые спецгруппы эсеров в Казани. Не вдаваясь в подробности, Туманов объяснил своё появление в Казани поручением изучить возможность штурма города Народной армией. В этот раз обговорили налаживание связи со штабом Капеля через возможности Клепинова, а следующие два дня были посвящены составлению диспозиций сил красных, анализу имеющихся у подполья сил и средств, и (неожиданно) прибытию 1 августа в Казань теплоходом академии Генерального штаба, во главе с бывшим генеральным штаба генерал-майором А.И. Андогским. Сутки пароход, с имуществом и профессорским составом академии, стоял на якоре посреди Волги, и только 2 августа началась выгрузка в реквизированные для них помещения. Силами наружного наблюдения группы поручика Балугева установили адреса выделенных под жильё преподавательского состава и профессуры помеще-

ний, и собственно учебной части академии. В течении следующих суток были налажены контакты с преподавателями и учащимися старших курсов, среди которых ожидаемо оказалось много знакомых и антибольшевистски настроенных офицеров. Немалая часть из числа последних уже была привлечена командующим восточным фронтом красных Вацетисом – бывшим полковником и выпускником академии – к работе в штабе фронта, из-за катастрофической нехватки специалистов. Через них савинковцы получили дополнительный поток свежей оперативной информации. Туманов потребовал не мешкая переправить полученные данные Капелю, узнав о том, что последний выдвинулся с отрядом из Симбирска на Казань, и рекомендовать ему немедленный штурм города.

Время «Ч»

(Август 1918)

Туманов вернулся на пасеку 4 августа и перевёл отряд в режим постоянной готовности к немедленному выступлению. Когда состоится активная фаза операции он не знал, поэтому готовность и была обозначена постоянной. Поручив Нуртдинову, Шайдавлетову и Аюпову приобрести или увести (не важно) три подводы к концу завтрашних суток, он увез Щукина, Филатова и Поздеева на кладбище, где разместил их в открытых пустых склепах, снабдив продовольствием на сутки. Время **Ч** неумолимо приближалось.

О Государственном банке и его хранилищах Туманову удалось к этому моменту выяснить следующее. В Банке имелось два хранилища ценностей – верхнее и нижнее. Основной золотой запас располагался в нижнем хранилище, какая-то часть в верхнем. Охрана банка насчитывала до 40 стрелков, вооруженных винтовками и наганами, с прямым подчинением начальнику охранной службы. Прием и выдача ценностей производилась по личному распоряжению директора банка Марьина, под бдительным контролем охраны. Имелось два входа в помещения банка – парадный и рабочий, во внутреннем дворе, через который осуществляли прием-выдачу больших партий ценностей.

5 августа, с утра, Туманов встретился с Клепиновым и Балугевым, вместе уточнили состав пикетов для встречи десантов Народной Армии и корректировку предстоящей артподготовки. Вторую половину дня, предоставив событиям развиваться своим чередом, он потратил на организацию плотного наблюдения за банком, оборудовав на чердаке близстоящего дома наблюдательный пост.

В полдень стала слышна канонада, артиллерия чехословацкого корпуса уже закрепились на высотах Верхнего Услона и брала под контроль водный путь по Волге. Народная армия Комуча, высадила десанты на [пристани](#) и на противоположном берегу Волги, чем создала реальную угрозу для гарнизона Казани. Каппель, обойдя город с востока силами трёх рот, занял пригород, а от пристани на город начинали наступление чехи, под командованием полковника Степанова.

В банке царил суевенный страх: приезжали и уезжали автомобили с *товарищами* в кожанках и латышскими стрелками, бегали посыльные, нервно переминалась охрана у входа. Уже в сумерках приехали четыре грузовика с полувзводом стрелков и пулеметом, и легковая автомашинка. Все заехали во внутренний двор и началась погрузка ящиков. Туманов спустился на улицу и поймав катящего домой по позднему времени, ошалевшего от выстрелов и канонады извозчика добрался до квартиры. Переодевшись в форму и собрав вещи поднял по тревоге заскучавших в склепах казаков, и рванул с ними к виднеющемуся в сумерках госпиталю. Сторожа на воротах сходу заперли в будке, припугнув начавшимся штурмом и атакой белых, и реквизировали санитарный грузовик «для нужд фронта». Туманов прыгнул за баранку, Филатов крутанул стартер и покатили, освещая брусчатку тусклым желтым светом.

На улицах города начиналась перестрелка – боевики Клепинова активно разыскивали по составленным заранее спискам большевиков и комиссаров, сводя с ними счёты, а полуэскадрон под началом Фортунатова, с группой поручика Балугева, уже пытались захватить здание штаба фронта, расположенного на той же Большой Проломной, что и банк.

К банку пробрались далеко за полночь, и оставив машину во дворе соседнего дома стали ждать удобного момента. С чердака были видны стоящие под погрузкой грузовики большеви-

ков во внутреннем дворе, которые с ранней зарёй выехали куда-то, в сопровождении охраны. После полудня банк затих. В городе разгорались уличные бои.

Во второй половине дня 6 августа Каппель вошёл в город с тыла, внося неразбериху и панику в частях оборонявшихся красных. Упорно сопротивлялись только латышские стрелки, сумев затянуть оборону, но после неожиданного перехода на сторону Каппеля большей части сербского батальона майора Благодича гарнизон Казани начал сдаваться.

В это время к воротам внутреннего двора банка подъехал санитарный грузовик, с красными крестами на бортах. Не замедляя хода он распахнул ворота бампером, и развернувшись подкатил задним бортом к крыльцу. Четверо одетых в белые халаты *санитаров*, с противогазами на лицах и резиновых перчатках, ловко подтащили к дверям два железных бака, с нарисованными на крышках черной краской черепами, с костями крест накрест. Выбежавший на грохот ворот караульный открыв рот уставился на визитеров, а Туманов, не дав ему опомниться, перехватил винтовку и *рычагом* отправил ее владельца внутрь помещения. Следом ввалились остальные, втащив *странные* баки и захлопнув за собой дверь. Все оказались в небольшом помещении, из которого вели два выхода – один в небольшую караулку, а второй, за железной дверью с окошком – внутрь банка. Окошко тут же откинулось, и в него просунулась винтовка.

– Стоять! Всем стоять! Буду стрелять! – неуверенно прокричали в окошко.

– Зови старшего, стрелок! Быстрее, быстрее! – Туманов поставил оба бака в центр помещения, чтобы были хорошо видны.

– Кто такие? Ваши документы! – в окошке показалась усатая физиономия с наганом.

Туманов подправил маску противогаза с перчатками и спокойно произнёс:

– Слушай внимательно, начальник: через час другой тут начнётся бойня. Выбор у вас простой – можете уйти живыми *сейчас*, с тем, что получится унести, а можете умереть к утру, от чумы и холеры, или от пули при штурме. В баках – штаммы этой заразы, я просто открою крышки, вывалю всё на пол и уйду. Считаю до пяти: один...

Замок дверей щёлкнул на счёт «три». Трое охранников оказались сообразительными (двое воевали на германском фронте, хорошо помнили химические атаки и вспомнили, что у них-то никаких противогазов нет), поэтому двери верхнего хранилища открыли без лишних разговоров, и вместе с двумя учёточками, оказавшимися там, помогли перетащить в грузовик 30 ящичков с золотыми слитками, оставшихся от погрузки в предыдущий караван и стоявших наособицу, и шесть мешков с монетами. *Странные* баки забрали тоже. После чего, захватив пару мешков с собой и закрыв двери, охрана резво дунула в открытые ворота, вслед набравшему ход грузовиком. Пять минут спустя из дверей банка быстрым шагом вышла ещё пара фигур с объёмной сумкой и скрылась во дворах. На пасеку добрались к вечеру, успев выехать из города до выставления пикетов и патрулей Народной армии.

К вечеру 6 числа Казань была захвачена Каппелем полностью, и уже следующим утром, 7 августа, Государственный Банк был взят под охрану отрядом сербских легионеров из батальона Благодича. После недолгой и пристрастной ревизии было обнаружено исчезновение не установленного, на тот момент, количества золота.

Золотой обоз

Грузовик к пасеке подгонять Туманов не стал, вчетвером загнали его в близлежащий лесной овражек и замаскировали, закидав ветками. Следы шин грузовика на лесной дороге тщательно замели и уничтожили. Проверив телеги, которые раздобыли исполнительные казаки, сообща пришли к выводу, что придется качественно ремонтировать упряжь и усиливать подвижной состав: железные обода колес перековать на более широкие, пару ступиц заменить, борта усилить железными стяжками, и заготовить ремкомплект на марш. Этим и занялась команда. К автомобилю выставили караул.

Решение выдвигаться в обратный путь конным обозом было взвешенным – Туманов уважал профессионализм контрразведки Комуча и банковского контроля, и был уверен, что железная дорога и водный путь будут взяты под усиленный контроль, на предмет обнаружения груза пропавших ценностей, уже к исходу вторых или третьих суток. А по маршруту следования все вагоны и суда с Казани будут проверять, не раз и не два, так что наиболее осуществимым был вариант с конным обозом, которому не нужны магистральные пути. Для этого следовало обеспечить прикрытие груза документами и предпринять отвлекающий внимание манёвр. Поэтому утром следующего дня, 7 августа, Туманов вернулся в Казань.

В городе затихали уличные бои и перестрелки. Победители проводили зачистки и ревизию захваченных трофеев, побежденные, кто не успел уйти, прятались и пытались выскользнуть из города. Население центра в основном встречало Народную армию благожелательно, рабочие окраины были в трауре. Всё как обычно, в общем. Ближе к полудню, разыскав в здании бывшего Восточного фронта штаб отряда Каппеля, Туманов с трудом добился встречи с ним, поздравил с одержанной викторией, и запросил отношения на получение, из захваченных военных складов Восточного фронта большевиков, партии оружия для Оренбургского казачьего войска, и отправку его железной дорогой.

– Серж, откровенно говоря, мне сейчас не до подобных переговоров, – Каппель улыбнулся настойчивости и упрямству Туманова.

– Владимир Оскарович, позволю себе пояснить, ибо дело отлагательств не терпит: трудности снабжения *оренбуржцев* известны, каждый день на счету, а процедура переучёта трофеев и передача их Комучу, тем более в последующем получение оттуда чего-либо, займет не одну неделю. Сейчас-же получить необходимое проще всего, и я не прошу многого: сотню-другую ящиков с винтовками, патроны и вагон до Екатеринбурга, – Туманов скромно посмотрел в глаза Каппеля.

– Что-ж, пользуйся щедростью победителя, – засмеялся тот, – Мокей Мартынович, оформи ему, что требует, – крикнул он начальнику штаба через дверь, и пожал руку Туманову, – удачи тебе, Серж.

Не мешкая Туманов оформил отношение у начальника штаба отряда, генерального штаба штабс-капитана Максимова, и направился на военные склады. На крыльце штаба столкнулся с Клепиновым и Балуевым, которые вместе с Фортунатовым только что были в банке.

– Рады вас видеть, господин штабс-капитан, – Клепинов будучи в штатском кивнул, а Балуев кинул руку к козырьку фуражки.

– С викторией, господа, – ответно отсалютовал приветствием Туманов, – надеюсь потери не велики?

– Ерунда, Сергей Аркадьевич. А вот добыча такая, что любые жертвы оправданы. Мы прямо из банка, вы не поверите – золотой запас России в наших руках!

– Невероятно! Не догадался поздравить Владимира Оскаровича. Встретимся вечером и отметим, господа, сейчас прошу извинить – спешу. Честь имею!

Прибыв на склады, которые были уже под охраной Народной армии, но пока без должного интендантского управления, он оформил отпуск 150 ящиков винтовок Мосина у бледного, и не смеющего возражать, кладовщика. Не откладывая организовал погрузку на три складских автомобиля, пригрозив арестом за вредительство недовольно ворчащим водителям, и вывез весь груз на железнодорожную станцию. Там отыскал начальника станции, смиренно сидящего у себя в кабинете под присмотром караула, и предъявив отношение потребовал вагон до Екатеринбурга, куда в отсутствии альтернативных маршрутов решил направить груз, дальше его переправят по назначению. Начальник станции, посмотрев на предъявленные бумаги, распорядился и вагон нашелся быстро. Погрузку Туманов организовал там же, подсобников на вокзале было в достатке. Выгрузил два автомобиля и отправил их обратно вместе с водителем третьего, пообещав последнему вернуть грузовик лично, в целостности и сохранности. С третьей машины он сгрузил семнадцать ящиков, а содержимое еще тридцати выгрузил в вагон вернувшись в брезент, оставив ящики в кузове. Пломбировал вагон и передав под охрану, он уточнил время отправления состава, и после этого от начальника станции телеграфировал в Оренбург Дутову: «Груз получен. Сергеев». После этого сел за баранку грузовика и выехал на пасеку. Там все оружейные ящики с кузова были выгружены, и он, отогнав грузовик на склады, вернулся на базу уже в темноте. Итогом дня Туманов был доволен: внимание возможного следствия и расследования будет отвлечено полученным и отправленным грузом, пусть проверяют; на сам обоз теперь имелись документы с грузом оружия, имелась тара, в которую предстояло перегрузить содержимое банковских ящиков; и три ящика с винтовками, для демонстрации при необходимости. С Клепиновым он вечером так и не встретился, времени на застолье уже не оставалось.

—

А Клепинов и Балувев тем вечером были заняты вовсе не застольем. Получив от Fortunatova, как представителя Комуча, мандат на право проверки охраны банка, они вторую половину дня проводили жесткий опрос всех служащих и охранной команды, на предмет установления действий каждого в течении двух предшествующих суток. И выяснилось немало интересного и интригующего. Помимо загрузки и отправки каравана автомобилей большевиков, что подтверждалось накладными и документами, 6-го августа имело место происшествие, ранее не возможное вовсе: исчезновение трех бойцов охранной команды и двух служащих банка. Днём. С места службы. Обнаружил это старший наряда после того, как заступивший на пост караул не ответил на контрольный звонок по внутреннему телефонному аппарату. Прибывший ко входу в банк наряд обнаружил не запертые двери, и заметил отсутствие ценностей в верхнем хранилище, количество которых уточнить на месте, без тщательной ревизии, не представилось возможным. На глазок пропало несколько мешков с золотой монетой, и не установленное количество ящиков со слитками. Список с адресами исчезнувших охранников и сотрудников немедленно раздали боевым группам Балувева, и в течении вечера и ночи все указанные и установленные адреса нахождения разыскиваемых были проверены, жители и семьи допрошены, помещения обысканы. Найти и задержать не удалось никого, но жена одного из пропавших охранников рассказала, как ее муж прибежал второго дня со службы во внеурочное время, собрал вещи и уехал на извозчике, наскоро всем объяснив, что со службы он уходит, и оставил три золотых червонца на житьё, обещав потом присылать ещё. Червонцы изъяли, а супружницу настрого предупредили о безусловном молчании, обязав непременно сообщить, ежели муж объявится. Пока боевики отрабатывали адреса, Клепинов с Балувевым предприняли по-дворовый обход близстоящих к банку домов, с целью узнать: не видел ли кто из жильцов что-то необычное. Не видели. Или умолчали, справедливо рассудив, что за многими знаниями воспоследуют *многоя скорби*, а вот дворник дома напротив рассказал, как почти всю ночь,

с 5-го на 6-ое, в соседнем дворе простоял санитарный грузовой автомобиль, и уехал ближе к полудню следующего дня. Шофёра, или кого другого, дворник не видел. Осмотрев дома снаружи Клепинов и Балувев затем облазили чердаки, и во одном из домов, прямо напротив банка, обнаружили удобный для наблюдения пост, правда ничем не указывающий на то, что им пользовались. Ну, разве-что, петли чердачной двери были смазаны. Не тратя больше времени на осмотры поехали по всем медицинским учреждениям, у которых могли быть автомобили. По ночному времени медицинский персонал, почти везде, в основном был представлен сторожами, и в госпитале, в который наведались уже под утро, местный сторож эмоционально рассказал историю о своем пленении, третьего дня к ночи, толпой неизвестных, застрашавших штурмом и угнавших санитарный грузовик, стянувших попутно в гараже халаты и пару баков из-под белья. Было их трое или пятеро, не помнит, а внешность по темному времени не углядел, *сильно спужался – револьвертом в харю тыкали*, вот это запомнил. Начальник госпиталя, разбуженный у себя на квартире, недовольно разъяснил, что да, угнали, остался легковой форд, на котором кроме своих задниц ничего не привезти, что война дело понятное, но врачи и больницы нужны всем, а разорять да грабить надо начинать с кого-то другого.

В общем, к утру 8-го сентября картина складывалась следующая: в ночь накануне 6-го, группой не меньше чем из троих неизвестных угнан санитарный грузовик, который простоял до полудня во дворах рядом с банком; утром банк отработал в обычном режиме, а после полудня исчез караул у входа, в количестве трех охранников, и двое служащих верхнего хранилища; вместе с ними пропало энное количество золота в монетах и слитках; исчез санитарный грузовик со двора дома напротив. Вроде связать всё просто, но... Сгинувшим охранникам наблюдательный пост был не нужен, разве что сообщникам, которым они могли подать сигнал. Но откуда сообщники у проверенной не один раз охраны? Ещё грузовик этот...

И тут Клепинов вспомнил, что 6-го числа совсем не видел Туманова. Балувев отметил, что тоже его не видел. И где он находился во время штурма никто не знал. В целом – ерунда, им и самим в тот день было не до Туманова, но вот сопоставив всё вместе картина рисовалась весьма подозрительная, равно как и не очевидная – ну откуда у Туманова тут сообщники? Короче говоря, доложили о результатах и соображениях Фортунатову. Тот внимательно выслушал, уточнил детали, и озадачил обоих заверив, что быть представителем Народной армии Комуча Туманову никто не поручал. Выходило, что цель его нахождения в Казани не известна, поэтому велел им аккуратно выяснить: что делал Туманов в штабе Каппеля 7-го числа после полудня, а сам поехал в банк побеседовать с директором Марьиным, вопросы к нему накопились.

Узнать о требовании Туманова выдать со складов оружие большого труда не составило, уже к обеду караул складов и учетчик, выдавший 150 ящичков винтовок, истово клялись всем в правильности предъявленных Тумановым бумаг и показывали, где стояли грузовики и как всё в них загружали. А водители, при опросе, инициативно заявили о принуждении их к поездке, и подозрительно-странной задержке третьего автомобиля, хотя он был возвращён на склады, и оказался в целостности и сохранности. Дальше приехали на железнодорожную станцию. Начальник станции был, прямо-таки, раздавлен обрушившимся на него вниманием господ боевиков и искренне сотрудничал со следствием, показав запись в журнале отношений и график отправки эшелонов, пояснив, что вагон убыл со станции в три часа ночи, и сейчас находится уже где-то на пути к Сарапулу. Телеграфист услужливо предъявил господам эсерам копию отправленного Тумановым сообщения в штаб Дутова, и запись об этом в своём журнале. Конфисковав оба журнала Клепинов и Балувев вернулись в штаб, дождались Фортунатова и доложили ему о расследовании, а он решил проинформировать Каппеля.

В штабе Каппеля собранная ими информация оказалась никому не нужна, отношение к боевикам кадрового офицерства было более чем прохладным, и ощущалось кожей, как неприятно военным общаться с ними по этому поводу. А самому Фортунатову Каппель дал понять

прямо, что его штаб уже занят планированием наступления на Нижний Новгород и Москву, и отвлекать своих подчиненных на сторонние вопросы он никому не позволит. Поэтому Фортунатов, после беседы с директором банка, полностью переключился на отправку караванов с золотом в Самару, и весь массив собранной информации просто принял к сведению, решив доложить при случае в Комуч.

(Случай представился 13 августа, когда по запросу Самары, о дополнительном уточнении количества отправленных ценностей, Фортунатов отправил телеграфом, особым шифром, на имя товарища председателя Комуча и управляющего ведомством финансов Брушвита, сообщение о результатах проведенной проверки. Не известно, *что* послужило поводом для принятия решения Комучем – эта или иная информация, но тем же днём в Оренбург была отправлена телеграмма, о лишении Дутова всех делегированных ему полномочий Комуча.)

Пока же телеграфировали в Сарапул о встрече и досмотре на станции вагона, отправленного Тумановым. Вагон досмотрели. Но кроме отсутствия 3 ящиков с винтовками, никаких несоответствий документам обнаружено не было. Разве что часть винтовок перевозились россыпью, укрытая брезентом. Списали недостающее на воровство и отсутствие охраны, и вагон убыл дальше в Екатеринбург. А угнанный грузовик, с похищенным добром, приписали пропавшим охранникам и персоналу банка. В караул они заступали утром? Утром. Накануне ночью угнать санитарный грузовик могли? Могли. И было их трое, или пятеро. В общем, боевые группы эсеров принялись разыскивать их, выставив досмотровые пикеты на пристани и дорогах из Казани. Про Туманова *пока* забыли, да и не появлялся он больше в Казани. Вспомнили о нем 14 августа, когда с Самары телеграф принял шифрованное сообщение главы Комуча Вольского о розыске и задержании Туманова, и досмотре любого транспортного обоза, числом более двух подвод. Устным распоряжением депешу довели всем постам на трактах, железных дорогах и переправах. Что же должно находиться в подводах разыскиваемого обоза, по понятным причинам, не указали.

Марш-марш

(8 августа 1918)

Все казаки были собраны в «штабной» избе, за исключением стоящего в дозоре Шукина. Перед началом погрузки и выдвижения обоза Туманов решил довести до казаков особенности целей и задач, стоящих перед отрядом.

– Предстоит марш, более 900 верст. – сухо доводил он до собравшихся информацию. – Нам поручено доставить атаману, в Оренбург, золотой запас войсковой казны. Особенность нашего груза и обоза в том, что его будут пытаться перехватить: как части Народной армии эсеров, так и армии большевиков. Сто пудов золота это не баран чихнул. Поэтому, – он слегка повысил голос, – нам предстоит совершить не просто марш, а *рейд* по территории противника. Расчётное время на движение полтора-два месяца. Передвигаться предстоит скрытно, избегать встречи с населением и воинскими подразделениями, а при случайной встрече не оставлять свидетелей нашего передвижения.

Туманов оглядел притихших и посуровевших лицами казаков, остался удовлетворён: никто не обозначил удивления, не попытался вильнуть взглядом.

– Боестолкновения на марше неизбежны, тяжелораненых нам оставлять будет негде, и они – свидетели, которых оставлять тоже нельзя. Я вас очень прошу не подставляться без нужды. – и эту информацию казаки приняли спокойно, – С этого дня мы все в *рейде*, до момента, пока золото не будет передано в казну войска. Сегодня день на сборы и отдых. Ночью начинаем движение. Всё.

День ушёл на перегрузку слитков и мешков с монетой в пустые оружейные ящики, крепление и пересыпку их опилками и стружкой. Вышло по десять ящичков на подводу, плюс по ящичку с винтовками, сверху всё прикрыли брезентом. В каждую подводу распределили походные припасы: палатку, походный кузнечный горн, инструментарий и припасы. Пустые банковские ящики сожгли, автомобиль завалили лесом и ветками (Туманов оценил: годится, до осени простоит, потом снегом присыпет, а весной пусть себе находят).

Выступили в три часа ночи. В ста шагах впереди двигался парный дозор, затем подводы с тремя сменными лошадьми в сопровождении трех верховых, замыкал обоз парный арьергард. Через каждый час сопровождающие подводы меняли дозорных, через каждые три часа делали часовой привал. В караул, на время привалов и ночного отдыха, заступали по порядку все казаки отряда, меняя друг друга через каждый час. Туманов большей частью двигался в центре обоза, проверяя время от времени службу всего его состава.

Осторожно пересекли в темноте оренбургский тракт, по-началу обкатывая режим движения, прошли западнее Борисова и с рассветом углубились в лесной массив, свернув с проселка на Отары. Скорость движения обоза вне дороги падала вдвое, тяжело груженные подводы оставляли в грунте приметную колею, лошади уставали, а на крутых подъёмах приходилось им в помощь подпрягать сменных лошадей. На привалах лошадей распрягали, поили-кормили, себе успевали сварить кашу и запарить травяные чаи, для которых по дороге запасались подножными припасами. К исходу первых суток устали все, но режим движения был отработан. Сухая пора позволяла делать в день до 15-20 вёрст, если местность не требовала проводить предварительный осмотр маршрута. Тогда движение замедлялось еще более.

Особую сложность представляли крутые спуски в доли и овражки: груженные подводы под уклон начинали толкать впряжённых лошадей перед собой, и приходилось цеплять к телегам

сучкастые «волокуши» из брёвен или стопорить колеса осей продетой через спицы жердиной. Но движение было устойчивым, ничего не ломалось, лошади справлялись, погода благоприятствовала. Пока двигались обратно маршруту, которым шли на Казань, места были узнаваемы и почти знакомы, где-то по правую руку, попутно, несла свои воды Волга, напоминая о себе густыми утренними туманами и ночной прохладой (кстати, с прохладой предстояло что-то решать, надвигалась осень), далеко по левую руку петляла полями пыльная лента оренбургского тракта, который пересекли ещё у Казани. К исходу четвертых суток, 12 августа, вышли к Табаеву, и остановились на отдых в лесу. Впереди была открытая местность, тракт, и паромная переправа через Каму. Она сейчас беспокоила Туманова более всего. Переправляться на тот берег предстояло на пароме, как и в прошлый раз, только причины теперь были иными: по другому переправить через Каму подводы не было никакой возможности. После того, как обустроили лагерь, к переправе выслали пешую разведку: Филатова и Лисина. Вернулись разведчики не скоро и затемно. Филатов доложил Туманову:

– Командир, паром на этом берегу, под замком, охраны нет, но на том берегу парный пост, как и прошлый раз, только нынче стоят чехи. Меняются через три часа, смена добирается с этого берега на лодке, с Епанчино. Весь караул расположен там, думаю отделение, не меньше. Службу несут плохо, разводящего нет, на вёсла садятся двое, меняются, а после смены сдавший пост сам гребёт обратно. Крайняя смена была с полчаса назад.

Туманов с самого начала установил обращение в отряде по фронтовому: к нему обращались «командир», что вдвое короче «вашего благородия». Сам к казакам обращался по имени или фамилии, смотря что было короче. Как водится меж казаками, друг другу не «выкали».

– Значит, времени у нас два часа. Плюс полчаса на выдвижение. Сейчас час тридцать пять, – Туманов зафиксировал время и оглядел собравшихся в тесный круг казаков, – Делаем так: Гера и Лисин верхами возвращаетесь, переправляетесь ниже по течению через реку, после следующей смены пост снимаете и ждёте нас. Сёма, – обратился он к Шукину, – возьмишь нужное, и как вернется смена с поста вскроешь замок парома, потом подашь сигнал Илье, а ты, – посмотрел на Суматова, – передашь уже нам. Встанешь на берегу ниже переправы за околицей, сигнал фонарём через старое голенище, учить никого не нужно? После сигнала встречаете нас у парома и сразу начинаем переправу. Если паром не вытянет всех – верховые переправляются вплавь. После переправы паром пустить по течению, Сёма это за тобой. Все уяснили свои действия? Вопросы есть?

– Куда чехов деть? – деловито осведомился Филатов.

– Как куда? В Каму. Ещё вопросы? Всё, делать.

Когда четверо верховых растаяли в темноте, Туманов выставил наблюдателями Малютина с Шумиловым, Поздеева отправил пешим порядком проверить и набить маршрут для обоза, по околице деревни, а возницам велел обмотать обода колёс войлоком и тряпьем, да промазать всё, что могло скрипнуть. Меньше чем через час вернулся Поздеев:

– Маршрут набил, командир, вдоль околицы есть дорожка. Собак мало и ветер со стороны деревни, тихо пойдём – и не учуют.

А Филатов и Лисин в это время переправлялись через Каму. Амуницию всю сняли, приторочили к седлам, и чуть ослабив подпруги у лошадей завели их в воду. Ильин день давно минул, вода была прохладна, но бодрил боевой азарт. Поплыли. Течение сносило их на полверсты ниже, однако в конце концов выплыли. Четверть пути лошади шли по пояс в воде, нащупав дно, и выбрались на белеющий берег, в прогал кустов. Быстро оделись и повели лошадей за собой, держа ближе к руслу реки. Остановились метров за двести до переправы, лошадей привязали к иве и тихо добрались до знакомого спуска к парому.

Недалеко от воды горел костер, двое караульных в шинелях и угловатых фуражках, с бело-красными нашивками на месте кокарды, неспешно вели разговор на непонятном языке, выбирали палкой картофелины с углей, тут же ели и чувствовали себя достаточно комфортно.

Недалеко от костра, ближе к подъёму стояла телега, а рядом с ней белела боком стреноженная кобыла, которая слегка стрельнула ушами в сторону казаков, перестав щипать траву. Но быстро успокоилась и продолжила пастись, прядая ушами время от времени. Примерно через час заскрипели вёсла в темноте, и отблеск костра выхватил на воде лодку с двумя гребцами. Перекинувшись парой фраз, караульные поменялись: прибывшие уселись поближе к костру, обняв винтовки, а отстоявшие смену взяли за вёсла, и скоро пропали из виду. Скоро затих и скрип уключин. Филатов толкнул Лисина в бок, пора мол. Ужами скользнули к кромке воды, заползая за спины сидевших у костра, и перехватив удобнее ножи, которые держали до этого в зубах, одновременно метнулись к караульным. Филатов подхватив своего за подбородок и дёрнув влево сунул тонкий клинок под правое ухо. Толчком в затылок отправил обмякшее тело на землю. Лисин накрыл широкой ладонью рот своего подопечного, через шинель вогнал клинок в правую почку, придержал конвульсивно дёрнувшееся тело, опустил, вытер пятерню и клинок о шинель.

– Готово, – удовлетворенно пробурчал Филатов, и перевернув своего чеха на спину ухватил за ноги, – потащили что-ли...

Около третьего часа ночи наблюдающие приняли сигнал Суматова. Пора. Двинулись без шума, впереди показывал путь Поздеев, следом Туманов, подводы, и Малютин с Шумиловым замыкающими. Мимо деревень проскользнули тенью, подводы шли тихо, дорога была по мягкой земле и траве. Безлунная и тёмная ночь скрыла и деревни, и отряд, ни огонька, ни звука, только шорох колёс и мягкий стук копыт. Илья встретил их на краю деревни у реки, присоединился к обозу, ведя в поводу коня Щукина. Вдоль реки добрались до паромы, там уже Щукин примерялся к вороту. На паром уместились все, однако просел он сильно, даже слегка провис трос через реку. Ворота принялись крутить общими усилиями, и паром разбивая левым бортом набегающую волну заскользил к противоположному берегу. Уже с середины реки услышали удивлённое «Хэй!...» с оставшегося позади причала.

Когда паром уткнулся в белый песчаный откос, костёр на берегу уже дотлевал углями, казаки вывели лошадей, и подводы одна за другой, набрав ход выскочили на довольно крутой взлбок оренбургского тракта. Подошли Филатов и Лисин, по бодрому виду которых было понятно, что всё они сделали в лучшем виде. Филатов молча кивнул на стоящую поодаль телегу и переставшую щипать траву пегую кобылу, со спутанными передними ногами:

– Стояла тут, ещё с вечера. Хозяина не видели. Может приберем, командир? Лишний борт не помешает, да подводы разгрузим чутка?

Туманов поискав глазами следы канувшего в небытие поста вопросительно посмотрел на Филатова.

– А тама, – кивнул тот в сторону молодых ивовых зарослей у воды.

– Щукин: трос, паром. – напомнил Туманов, а тот уже трещал чем-то у столба на берегу, к которому крепился трос.

– Лодка, командир... – тихо сказал Суматов.

Туманов взгляделся в черноту Камы, лодку не увидел, но скрип уключин и плеск вёсел был слышен всё чётче.

– Обоз и лошадей убрать, занять позиции на взгорке, без команды не стрелять. – распорядился негромко и направился к берегу. Подошёл Щукин с ломом в руке.

– Готово, командир. Всего толкнуть теперь.

– Отойди к парому. Действуешь по ситуации.

Контур средних размеров лодки светлым пятном начал проявляться из темноты, на вёслах сидели двое и один привстал на носу, держа наготове винтовку.

– Со се то ту, sakra děje? (Что тут происходит, черт возьми?)

– Наконец-то. Сколько можно вас искать? – ровным тоном спокойно произнёс Туманов, не спеша шагая вдоль кромки воды и слегка *прихрамывая*, – на берегу никого, караула нет,

паромщика нет, спрашивается: какого лешего меня направили в эту дыру с пакетом? Кому его передавать? Ни одной живой души! Распишитесь в получении, господа, и я уезжаю, не останусь и на минуту, даже не упрасивайте, – не прекращая нести этот вздор он тряс накладной полученной на складе, вынув её с кармана и держа перед собой на вытянутой руке, и продолжал, – откровенно говоря, это свинство, вот так относиться к посыльным. Спрашивается, зачем отправлять нужно было именно меня, ответьте мне, господа? Есть гораздо моложе, и в конце концов...

Лодка к этому моменту подплыла достаточно близко к берегу и чиркнула килем о дно, нарушая равновесие озадаченных услышанной тирадой гребцов и стоящего на носу. Последний, качнувшись, переступил ногами и левой рукой взялся за нос лодки, держа винтовку в правой.

– ...вам бы дома сидеть. – закончил Туманов.

Сделал к лодке плавный подшаг и перехватив ствол мосинки левой рукой потянул его на себя и вниз, уводя примкнутый трёхгранный штык в сторону, затем быстро подхватил за приклад правой и рычагом скинул державшего её за борт, на обратном ходе поддел штыком под левую лопатку сидящего спиной к нему правого гребца, и толкнул его на напарника. Оба свалились через левый борт лодки, перевернув её. Туманов вбил железный торец приклада в висок пытавшегося встать на ноги носового, затем, через смолёное днище перевернутой посуды, метнул винтовку, как копьё, в грудь поднимающегося из воды второго гребца. Штык прошел насквозь, сбив его с ног и отбросив в фонтане брызг навзничь. Всё. Бой закончен. Быстро огляделся, подхватил рукой качающийся на воде размякший лист накладной, и убрал в карман. Начинало сереть, скоро рассвет. Над рекой обозначился лёгкий туман. Тихим свистом подозвал казаков с берега.

– Тела в реку, и чтоб не всплыли. Паром и лодку по течению. Раз-два, взяли...

Бесхозные телегу и лошадь забрали с собой, доводы Филатова сочли верными.

Трактом прошли верст десять вдоль излучины Камы, до поворота на Измери, и когда свернули с него влево, оставив тракт по правую руку, было уже совсем светло. Туманов рассудил, что пропажа караула и парома вскрыется быстро, час-другой – и будет организована погоня. Нельзя было исключать и встречный поиск со стороны Спасска – о происшествии доложат в Казань или Самару, а там примут все меры для преследования. Поэтому лучше уходить на восток, не загоняя себя в капкан между Волгой, Спасском и трактом. Задержались, уничтожая следы обоза на съезде и потом уже двигались с часовым перерывом до самого полудня, встав лагерем в лесном массиве между хутором Нижний Марьян и Березовой Гривой. Возвышенность позволяла вести обзор за подъездным путём обоза и лежащей впереди по маршруту открытой местностью. Отдыхали до сумерек, чинили обретенную телегу, подправили упряжь, перегрузили с подвод бытовой и походный груз, чем существенно облегчили основной обоз. Возницей на телеге теперь предстояло быть очередному арьергардному дозорному, привязывая своего коня позади.

А в Епанчино организовать погоню было некому. Оставшиеся живыми двое, из семерки чешских стрелков, обнаружив рано утром пропажу не только своих товарищей, но и парома с лодкой, не долго думая дезертировали в сторону родной Праги, справедливо рассудив, что погибать в Поволжье большого интереса у них нет, да и малого не было никогда, а теперь уже нет и командира. Подхватили пожитки и дунули трактом в сторону Казани. Дальше их следы теряются.

Прибывший на четвёртые сутки сменный караульный отряд Народной армии, с указанием Самары о досмотре обозов и розыске Туманова, не застал предмета охраны, и приступил к поиску хоть каких-то следов пропажи. Обнаружить удалось только пьяного в хлам мельника Осипова, который четвертый день искал по уреме пропавшую лошадь и телегу. Почесали

затылки, и пришли к выводу, что чехословацкая команда в полном составе отправилась в сторону дома, прихватив телегу и лошадь. А для быстроты перемещения просто сплавилась на пароме вниз по течению. Паром не нашли, а пока пригнали с Лашиева другой – прошла ещё неделя, и прибыла новая смена для караула. А ещё через десять дней началось контрнаступление красных войск на Казань, и ни о каком розыске никто уже не помышлял.

Тиф

(14 августа 1918)

Беда пришла откуда не ждали. К вечеру, уже перед началом движения, внезапно слегли с жаром Филатов и Щукин. На упряжке пытались сесть в седла, но Аюпов приметив их ненормальное состояние и дрожание рук, доложил Туманову:

– Командир, нельзя им ехать. Совсем плохи дела, как бы не тиф.

Быстро организовали больным лежки и провели осмотр всего отряда на предмет нездоровья. Температура оказалась и у Малютина, к полуночи он слёг. К рассвету с жаром были Поздеев с Щукиным. Тиф.

Туманов понимал, что в лесу болезнь не победить. Срочно требовалось найти помещение для отряда и обоза. А где? На карте был обозначен отдельно стоящий безымянный хутор, примерно в двух верстах к югу. Но был ли жилой, кем и как заселен – не известно. Выслал в разведку Суматова и Шумилова, разузнать что и как, да набить дорогу. Вернулись через час, докладом обрадовали:

– Живём, командир! Обитают

дед с бабкой, большой дом, баня, сарай, скотина есть и сена наготовлено. Дорога лесом, в один конец, не проезжая.

Сразу и выдвинулись, погрузив больных в телегу и укрыв шинелями. Хутор оказался расположен на поляне, окруженный лесом, перед двумя большими взгорьями с оврачком промеж. Заборов не было, из леса въехали всем обозом на большой двор, ограниченный тремя постройками: избой, сараем и стоящей на отшибе у небольшого пруда баней. На крыльцо вышел хозяин, озадаченный таким количеством гостей, дед лет семидесяти.

– Здорово живете, хозяева, – вежливо обратился к нему Туманов, соскакивая с седла, – принимай гостей, отец.

– Спаси Христос. Гостям завсегда рады, – настороженно ответил дед, – да как вы тут очутились, аль с дороги сбились, служивые?

Туманов, поднявшись на крыльцо, под локоток завёл деда в избу и отсутствовал минут пять. Затем, выглянув в открытое окно, дал команду:

– Подводы за сарай, засыпать сеном, лошадей распрячь, больных в избу.

С хозяином, Осипом Ивановичем, договорились быстро и с выгодой. Туманов кратко довёл, что их гостевание неизбежно, есть больные, поэтому он покупает этот хутор за... сколько он стоит? Двести? За триста. Отсчитал триста романовских рублей, из тысячи полученной еще в Оренбурге, и сказал обалдевшим от такой негодии деду с бабкой, что доплата – за неудобства, ибо жить им придётся пока тут же, но где-нибудь в другом помещении, так как в избе будут больные. Хозяйка, Ефросинья Савельевна, сноровисто собрала в большой узел нужное и увела деда обустроиваться в баню, захватив иконы.

Разместились так: обе комнаты избы-пятистенки оборудовали нарами, одну отвели под больных, кухню вынесли в сени. В сарае хватило места для лошадей, сена было запасено много, но едва-ли на три месяца, если распределить на всех. Дрова были заготовлены, вода была в колодце и пруду. Неожиданным бонусом стало то, что бабка Ефросинья успела послужить санитаркой в Русско-Турецкую, там же сама переболела тифом, и теперь с больными управляться стало гораздо легче.

К вечеру болезнь свалила Шумилова и Суматова. Оставшиеся в строю Аюпов, Нуртдинов и Шайдаuletов несли караул, и присматривали за хозяевами, по наказу Туманова. Деду

Осипу поручили приглядывать за лошадьми, настрого запретив подходить к подводам (оружие не фунт изюму, поэтому строгость, нечего тут). Туманов, прислушавшись к своим ощущениям и не найдя предпосылок болезни, следующим днём запряг лошадь в трофейную телегу, измазав ее сажей до неузнаваемости, и проехался по окрестным деревням, вернувшись с запасом провианта для отряда на месяц – другой. Еще рейс пришлось сделать в следующий день, за овсом для лошадей. Любопытствующим говорил, что командирован для снабжения Народной армии, следы заезда к хутору аккуратно путал, а въездную дорожку, за версту, перегородил бревном с табличкой «КАРАНТИН. ТИФ».

Две недели безвылазно находились на хуторе, к этому времени тяжело болели все, кроме переболевших тифом ранее: Туманова, казаков-башкир и бабки Ефросиньи. Дед тоже держался, наверное стараниями хозяйки. Между тем август заканчивался, было совершенно очевидно, что из графика передвижения отряд выбился окончательно, и крайне была необходима информация о происходящих событиях на фронтах, и в округе. Да не мешало бы раздобыть каких-никаких медикаментов, ибо народные средства в лечение особых результатов не приносили, Туманов уже обоснованно страшился возможных осложнений у больных, грозящих непредсказуемыми потерями личного состава. И он принял решение отправиться в Спасск. До уездного центра было около 25 верст, если добираться верхом, то выйдет быстрее и мобильнее. К тому же прямого пути не было, а окольные дорожки накручивали еще лишних 15 верст.

Вышло даже с гаком: мимо Босякова на Ямобухтина, оттуда уже на Спасск – по карте набралось 40 с лишним верст. 4 сентября, ранним утром, отдал распоряжения по отряду на предмет бдительности и неукоснительного соблюдения конспирации, и выехал.

Человек в чёрном

(3 сентября)

Неяркая лампа, под малинового цвета абажуром с бахромой, освещала круглый стол в центре комнаты, в которой находились два человека. Один из них, одетый в облегающий чёрный костюм, с длинным лицом и глубоко посаженными глазами, по хозяйки расположился в большом кресле, стоявшем в тёмном углу, а второй, в полувоенном френче, с короткими усиками на узком лице, сидел у стола, закинув ногу на ногу и откинувшись на высокую спинку венского стула. Под световым кругом остывали два стакана с крепким чаем.

– Как вышло, что вопреки всем приказам и установкам штурм Казани был спланирован и осуществлён? – негромко, но внятно спросил невзрачный человек в кресле, бесстрастно посмотрел на собеседника, и продолжил, – Осуществлён успешно и не баз вашей помощи, Клепинов, и мы были вынуждены приостановить вывоз золота, едва его начав. В чём дело?

– Вы, уважаемый человек из Центра, не совсем по адресу обращаетесь. – качнув ногой, человек за столом выдержал взгляд и недвусмысленный напор собеседника, приложив к этому определённое усилие. – Планирование и управление операцией осуществляла Самара. Мы же тут, на месте, подстраивались под развивающуюся ситуацию и процессом не руководили. Образно говоря, мы бежали впереди паровоза.

Человек в кресле с минуту разглядывал Клепинова, и продолжил:

– Ну-с, вот и расскажите, что за партизанщина тут у вас происходила. Самара свои объяснения уже дала, дошла очередь до вас, Флеогонт Францевич. И отнеситесь к разговору серьёзней, потеря золотого запаса делает всех, к этому причастных, потенциальными преступниками.

Клепинов засмотрелся на стакан янтарного чаю, словно через его густую призму смог разглядеть нечто важное, имеющее отношение к разговору. С июля месяца он осторожно, шаг за шагом подбирал себе новых хозяев, за которыми о своём ближайшем будущем можно было бы не беспокоиться. Иначе говоря – за которыми и было оно, будущее. Сидевший напротив в кресле человек представлялся сейчас едва обозначившимся мостиком, способным переправить его на твёрдую и сухую почву из того болота, в котором он с недавних пор себя ощущал. Его нынешнее командование и начальство думало больше о себе, чем о подчинённых, и он интуитивно чувствовал, что станет разменной монетой в первой же острой ситуации, на которые так богато неспокойное время гражданской войны. Очень показательным было само присутствие этого непонятого человека, из красного Петрограда, в захваченной Народной армией Казани. Не сидит, как мышь под веником, а ведёт себя хозяином. Может это и есть настоящая власть?

– С представителем чего или кого имею честь беседовать? – сухо спросил он.

– Вот это по деловому, Флеогонт Францевич, вы начинаете мыслить в правильном направлении. Извольте: я представляю лично председателя Петроградского ЧК. Глеб Иванович Бокий вам должен быть известен. Теперь вам известен и его личный интерес к происшедшим событиям в Казани.

Клепинов уважительно качнул головой. Судя по всему, ему сейчас следовало быть искренним и проявлять сотрудничество, иначе будущее могло оказаться совсем коротким и безрадостным. И Клепинов начал рассказывать всё, что имело отношение к событиям непосредственно перед взятием Казани, и первым дням после её штурма. Не обошёл он вниманием и странное появление в Казани Туманова, и его странное исчезновение, которое неявно, но возможно, было связано с пропажей золота из банка. Подробно доложив внимательно слу-

шавшему собеседнику о своих подозрениях, Клепинов не посчитал лишним обозначить свою отстранённость, как рядового исполнителя, от глобальности всего происшедшего. Ну правда же, что он мог поделаться, когда запущен такой механизм, как фронтовая операция? Да и задачи никто лично ему не ставил. О своих соображениях он докладывал, тому же Фортунатову. А он, в свою очередь доложил в Самару. Так что, спрос собственно с него, Клепинова, строгим быть никак не может.

Собеседник ни разу не перебил его за всё время, неподвижно застыв в окутанном полумраком кресле. Наступившая пауза, после своеобразного отчёта Клепинова, была ощутимо густой и содержательной на эмоции и мысли. Последний яростно надеялся на то, что наконец увидел перед собой человека, представляющего людей имеющих почти неограниченную власть, которым можно было и послужить. Не за страх, так за совесть. Его собеседник-же сопоставлял услышанное с имеющейся у него информацией, которая была им получена от руководства Комуча в Самаре. Председатель комитета Членов Учредительного собрания Владимир Казимирович Вольский, горячо доказывал свою полную непричастность к штурму и взятию Казани Народной армией Комуча, перекладывая всю вину на Каппеля. Вот он-де самовольно, в нарушение всех приказов и указаний и предпринял этот штурм. А теперь ему, Вольскому, приходится куда-то девать переправляемое из Казани золото, будь оно трижды проклято во веки веков. Потому-как он понимает, что такое не прощают, и спрос за это ему теперь снится каждую ночь, он даже кушать спокойно не может из-за всех этих переживаний. А Туманова с середины августа уже ищут, не извольте, мол, беспокоиться, сразу же и дал команду подключить боевые группы эсеров с Казани, даже отправил им своего человечка в помощь. И контроль за всеми наладил, будьте благонадежны.

Более информативным получился отчёт Ивана Петровича Нестерова, руководителя ведомства путей сообщения Комуча. Благодаря техническим возможностям подведомственной ему структуры и осуществлялась постоянная связь с Петроградом, который был в курсе всего происходящего. Нестеров отнёсся к информации, которую в начале августа передал ему Фортунатов, по серьёзному. Он сопоставил июльский визит Дутова в Самару с прибытием на железнодорожный вокзал его конвоя, который убыл обратно в численно меньшем составе. Ровно на один вагон. То есть, примерно десять человек с лошадьми куда-то делись: в Самаре не объявлялись, обратно не уезжали. А вот оказаться в Казани через пару недель вполне себе могли. И *дёрнуть* с банка золото тоже было-бы им по силам. Придя к такому умозаключению, Иван Петрович не мешкая выехал в Оренбург к Дутову, которого он в июле сам назначил главноуполномоченным Комуча на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области. Благо и повод для визита подвернулся подходящий – 12 августа в Оренбурге проходил парад в честь передачи власти Дутову от Каргина, временно замещающего должность Войскового атамана. Но в Оренбурге ничего выяснить у Дутова не удалось. О Туманове никто ничего, якобы, не слышал и не знал: да, был такой офицер, но испросил долгосрочный отпуск и уехал ещё в апреле в Омск, по семейным обстоятельствам, что-то там с родителями случилось. Сам Дутов с ним пообщался холодно, можно сказать на ходу, так-что подозрения у Нестерова остались. Да и по-простому встретили его казаки, без должного уважения (чего уж там – с откровенной неприязнью встретили). Поэтому вернувшись в Самару Нестеров, посоветовавшись с Брушвитом и ознакомившись с новым, пришедшим докладом Фортунатова о результатах проверки банка, отправил в Оренбург телеграмму о лишении Дутова всех полномочий Комуча. Вот как-то так, уважаемый товарищ из Петрограда: в меру сил бдим. Правда, ответить на вопрос, какой леший его заставил заключать соглашение о таможенном перемирии с Временным Сибирским Правительством, и запускать на полную мощь движение поездов от Самары до Владивостока, на которых и вывозилось Казанское золото, Нестеров не смог, стал путаться в деталях и в обосновании причин такого решения.

Коротко говоря, сволочи они там все, в Самаре. Революционный трибунал по ним давно плачет. Но говорить об этом Клепинову, ясное дело, товарищ с Петрограда не стал. Толковый этот парень, Клепинов, только пуганный очень. Нужно к нему присмотреться, может и будет какая польза.

– Благодарю вас, Клепинов, больше вопросов не имею, во всяком случае пока. Когда вы отправляете своих людей на поиски Туманова?

– Так все уже выехали, прочёсывают Оренбургский тракт. Сегодня вечером оставшаяся четвёрка убывает, и всё: у меня в Казани никого на остаётся.

– Сделайте вот что: принесите мне по три капли крови этих ваших людей, не мешкая. Займитесь этим лично и прямо сейчас. До их отъезда вы должны успеть доставить мне то, что я прошу, и вручить старшему из ваших людей то, что я вам дам позже. Сами из Казани в ближайшее время далеко не отлучайтесь, Клепинов, мы с вами ещё поработаем.

– Извините... Моё имя вам известно, а как мне к вам обращаться?

– Очень просто: шеф.

Аз есмь

(Туманов)

Ссобой взял наган и пару ножей. От хутора ушёл лесом на север, выскочил под Берёзовой Гривой и оттуда уже повернул на юг, просёлком мимо Пановки добрался до Бозяково. Заезжать не стал, обошёл околицей с восточной стороны и бродом переправился через речку Мешкалу. Дальше уже двигался полями, на юг к Ямобухтину.

Постороннее присутствие заметил версты через две: мелькнули краем поля какие-то тени, лошадь сторожко запрядала ушами. По спине дёрнулся холодок чужого взгляда, и его тело само переключилось в режим боевого механизма. Взял левее, наискосок лежащей впереди возвышенности, незаметно оценил обстановку окрест. Сзади и чуть по бокам зафиксировал три *перемещения*... Это уже не слежка, эти будут *знакомиться*. Наверняка в той ближайшей балочке впереди, через которую лежит его путь. Что ж, поговорим, уходить от общения подозрительно, да и не прилично.

Так и вышло: добравшись до спуска в пологий дол лежащий поперёк поля, увидел впереди внизу троих оружных верхами, сидящих в сёдлах расслабленно, стволами кавалерийских карабинов дружелюбно сопровождавших приближение Туманова. Среднего возраста, одеты просто, в гражданское, наганы топорчатся за поясами, сапоги, картузы, безбородые, у одного аккуратные усики. Не спеша подъехал ближе, спустившись в дол – теперь они все скрыты от посторонних глаз. Молча остановил лошадь в пяти шагах, расслабленно откинулся в седле, положив руки на лук. Молчали и те, трое. Один не спеша свернул сигарку, закурил. Однако... Внимательно рассматривали Туманова, пока сверху дола не послышался перестук копыт и чуть позже на край спуска вылетели ещё четверо верховых. Спускаться не стали, растянулись по верху. Тоже безбородые, в гражданском, у двоих карабины.

– А ведь, похоже, он и есть? – не обращая ни к кому конкретно произнёс с усиками. Его Туманов сразу выделил для будущей *беседы*.

– Похож-то похож, – согласился дымящий сигаркой, и шевельнул стволом карабина в сторону Туманова, – а ну-ка, сударь, удиви нас документами.

Туманов развёл руки слегка в стороны, как-бы в растерянности:

– Разве у господ-товарищей есть мандат на право проверки? И место не совсем подходящее, не находите?

– Точно: *он*, – удовлетворенно сказал третий, – говорил Вольт, что с выдержкой и духовитый. Ну, по заслугам и честь. Ты вот что, сударь, наган не трогай, отстегни с ремнем и скинь на землю. Давай, не тяни.

Туманов без спешки выполнил, краем глаза оценив у всех ловкость хватки карабинов в положении от бедра.

– Теперь слезай, и на пять шагов в сторону.

Слезая с седла слегка потянулся, разминая тело и начиная разгонять кровь.

– Не дури, парень. На колени и ложись лицом оземь, руки за спину. Ну!

Сделав пять шагов от лошади лёг, скрестил руки за спиной. Пять стволов расслабленно шевельнулись. Стоящие по верху балки верховые не спеша стронули лошадей вниз. Куривший дотянул сигарку, кинул окурок в сторону и ловко *стёк* с седла.

– Оставь карабин, Стен, – сказал усатый, – оставь, я сказал.

Слезший не возражая передал ему свой карабин, и осторожно подошел с боку к лежащему. *Рано, пусть нагнётся... Пора.*

Срываясь в боевой транс крутанулся в перевороте, зацепил под колено наклонившегося к нему татя, и заваливая в сторону от себя долбанул кулаком в висок. Выхватил у него из-за пояса наган, тут же сместился вправо и два раза, от бедра, из положения лёжа выстрелил по сидящим в сёдлах напарникам, ещё только начавшим осознавать изменение обстановки. Перекатом вышел в полуприсед, подхватил наган второй рукой, перемещаясь к лошадям, выстрелил два раза по спускающимся в дол всадникам, уже вскинувших карабины, и потом перенёс огонь на оставшихся двух, безоружных. Один из них, суется, рвал из-за пояса ствол, и Туманов снял его первым, а на втором наган дал осечку. Последний, оставшийся в седле, развернул коня и погнал вверх по доли. Туманов без суеты поднял карабин одного из убитых, и снял беглеца под левую лопатку. *Девять секунд. Не плохо.*

Выбранного для беседы старшего, нелепо сидевшего в седле с двумя карабинами в руках, он свалил с седла вогнав пулю в живот, и сначала вожжами связал ему руки, потом обыскал остальных. Романовские рубли, рубли серебром, но никаких документов, ничего привязывающего к личностям. Кроме... описания самого Туманова, обнаруженного на мятом листке бумаги в кармане усатого: «тридцати трёх лет, среднего роста, физически развит, лицо узкое, черты лица правильные, русый, глаза серые, шрам на правой кисти».

«Не густо, – подумал Туманов, – но, в принципе, узнаваемо. Интересно. Очень интересно...».

Перевернул на бок раненого усатого, похлопал по щекам, концентрируя внимание на себе. Тот дернул одним глазом и выдал слабый стон, держась за живот и суча ногами от боли.

– Кто ваш старший?

– Туманов положив руку на лоб стонавшего вогнал большой палец на фалангу в глаз, отчего тот вовсе зашёлся в болевом шоке. – Кто он? Отвечать!

– Ларрь... Лларрин... – сквозь кровавую пену выдавил тот.

Туманов чуть ослабил и тут же снова усилил давление на глаз, не прерывая болевой контроль.

– Где он? Быстрее!

– Ааасс... Ссспасске... Дом Сссыытинаа.. ууу...у базара...

– Сколько там людей?

– Рр...Ттррое.

– Вольт: кто он?

– Хррсс... Ссамаре оон...сс...ссука...

Туманов отпустил допрашиваемого и ударом вбил нож под сердце, прервав его мучения.

«Самара, значит. – размышлял Туманов, выезжая из балки, – Комуч? Больше и некому, а где Комуч, там и эсеры. И упокоенный Стен имел не крестьянскую кличку. Неужели господа савинковцы?». Ответ на возникшие вопросы мог дать только неизвестный Ларин. Ларь, стало быть. Надо повидаться, дело есть.

Оставшийся путь был прост: добрался до Ямбурдина, не заезжая в деревню переночевал в лесу, и с зарёй выехал дальше. В Спасск въехал вечером 5 сентября. Окружённый с трёх сторон небольшой речкой, с образным именем Бездна, Спасск был провинциальным уездным центром, стоящим на проходящем через весь город ответвлении оренбургского тракта. Рынок, как и положено, находился в середине города. Рядом белел колоннами доходный дом Сытина, о двух этажах. Туманов остановился в постоялом дворе на въезде в город, привел себя в порядок и на извозчике подкатил к рынку, отпустив его за квартал, а к доходному дому подошёл пешком, с нарядной коробкой бизе в руках. Консьерж внизу обозначил услужливое движение на встречу, оставшись тем не менее за бюро, и вопросительно посмотрел:

– Чем могу служить?

– Любезнейший, у меня встреча с моими друзьями. Квартируют в вашем доме. Три моих сокурсника, давно не виделись, а я проездом, в Казань.

- Ваших-с лет у нас только господин Морис, у него сейчас ещё двое-с. Наверное они-с?
- Как же! Дружище Морис! Где они?
- Второй этаж, двенадцатый номер по правой стороне-с...

Кинув полтинник консержу взбежал по лестнице, и уверенно позвонил в двери двенадцатого номера. Едва приоткрылась дверь метнул в проём коробку с бизе:

– Ложись! Бомба! – и влетел следом, оттирая плечом открывшего дверь типа, с короткой бородкой клином. Ткнув его пальцами в горло проскользнул с прихожей в зал, где за столом оцепенело сидел спиной к нему человек в сером костюме, с котелком в руках, и ложился на пол господин в атласном халате, прикрывая руками голову. Серого снёс ударом ноги в висок, лежащему добавил кулаком по затылку. Так. Вроде все заняты своими ощущениями: хрипели, шипели, стонали. Быстро обыскал всю троицу и закрыл входную дверь. У клинобородого и того, что в халате изъял револьверы, усадил на стулья вокруг стола, связал руки за спиной, присел за стол сам. А серый, подёргавшись, что-то нехорошо затих на полу, не подавая признаков жизни. Видно, оказался слаб на удар.

– Со знакомством, господа. – сказал вежливо, присаживаясь к столу и внимательно наблюдая за реакцией собеседников, – Извините, что явился без предупреждения.

А узнавание-то явно имело место быть. Причем у обоих сидящих за столом. Их глаза ясно говорили, что они прекрасно понимают с кем приходится им общаться. И радости от этого не испытывают, наоборот, читалось желание оказаться как можно дальше от Туманова. В Париже, например. Значит не ошибся, с нападением на совершенно посторонних конфуза не вышло. Клинобородый был еще занят своим горлом, которое не хотело дышать привычным образом, перхал, дышал сипло, натужно и из беседы выпадал. Ничего, довольно и одного. Встал, крутанул ручку граммофона, стоявшего на трюмо, поставил под иглу пластину. И под звуки новомодных Амурских волн вернулся к компании.

– Итак, продолжим наше приятное общение. Предостерегу от необдуманных поступков – кричать, бить окна и звать на помощь не советую. Это меня сильно раздражает, да и не вежливо это. Буду вынужден заткнуть вам рты, а это пошло, согласитесь. Вы же искали встречи со мной, не так ли, господин Ларь? Что же вы молчите? – Туманов в упор посмотрел на господина в халате.

Колоритный был господин. Холеное лицо волевое, чисто выбрит, крепко сбит, невысокого роста, голова округлая – весь сгусток энергии. Отрицательной. Нечто демоническое присутствовало в облике. В глазах плескалось отчаяние и злость, губы нервно подергивались. Не любит проигрывать. Клинобородый тоже молчал, поглядывая на него чаще, чем на Туманова.

– Послушайте, господа хорошие. Кто кого из вас перемолчит мне выяснять недосуг, не за этим прибыл. Не получится беседы – я сделаю вот что: с каждым буду общаться *tet à tet*, в ванной комнате. Наберём полную чашу, вы в ней приятно расположитесь принимать моцион, отвечая на мои вопросы. Не пожелаете отвечать – начнёте медленно тонуть. Что вы бледнеете? Не согласны? Ну, значит ситуация для вас безвыходная. Посему хватит пустой болтовни. Я слушаю.

– Господин Туманов? – наконец спросил Ларь.

– Аз есмь. Чему обязан?

– Наши... кхм, скажем так, соратники в Самаре попросили найти вас и задать несколько вопросов.

– Кто попросил? Кого это – вас?

– Мы боевая ячейка эсеров, с нашими товарищами вы имели возможность познакомиться в Казани... – Ларь несколько смешался.

– Извольте быть точнее – это они имели возможность со мной познакомиться. Кто попросил?

– Для нас он товарищ Вольт, я не знаю его фамилии и имени, поверьте. У нас так принято.

– Он из Комуча?

– Нну...да, его служба тесно с ним связана.

– И чем же я смогу удовлетворить его любопытство?

– Я не уполномочен задавать вам вопросы, мне поручено разыскать вас, заде... простите, пригласить на беседу и сообщить в Самару.

– Допустим. Как вы меня искали?

– Вдоль оренбургского тракта, от Камы и дальше, по всему уезду, направлены боевые группы с вашим описанием. Обьезжают все поселения, в местах возможного появления проводят опрос, результаты докладывают мне... В общем, вас узнали в двух деревнях, где вы покупали провиант.

Мда... Фатальная информация для всех собравшихся. Провиант-то он покупал в количествах потребных на отряд, а это уже есть ответ на многие не заданные вопросы. Ларь, видимо, это понял тоже. Быстро добавил:

– Это доложили не только мне, у нас принято дублировать все каналы и перепроверять информацию.

– Кому ещё доложили? – негромко спросил Туманов.

– В Самару, товарищу Вольту.

– Посредством чего докладывали? Есть связь?

– Нет, через городской телеграф.

– Сколько боевых групп заняты в розыске?

– Пять. Почти все наши с Казани переброшены сюда.

– Численность?

– По четыре человека в группе, усиленный вариант.

У Туманова нехорошо похолодело в груди... в полях он упокоил семерых, не делится на четыре никак.

– Вас тут трое, где ещё один? – спросил настороженно.

– Трое и есть. Мы координаторы, штаб так сказать...

Значит в поле мог быть наблюдатель, которого он не заметил. Очень плохо. Хуже некуда.

– Связь с группами?

– Они автономны, выходят на связь самостоятельно, по мере необходимости или получения информации.

– Хорошо. Покажите на схеме... – он привстал над столом, положил левую руку на плечо клинобородого, двигая ладонью правой бумажку со своим описанием, и не прерывая движения ударил ребром ладони в горло, ломая трахею, сидящего справа Ларина. Подхватил левой затылок клинобородого, тут же ударил в подбородок правой, сворачивая шею.

Сейчас нельзя было по другому, носители такой информации подлежали ликвидации. Тщательно устранил свои следы в квартире, запер дверь на ключ и вышел через чёрный ход. Давно стемнело и по ночной тишине, с северной стороны далеко, на пределе слышимости, скорее ощутил, чем услышал оружейную канонаду.

Следовало решить, что делать с консьержем. Оставлять как свидетеля визита его было опасно, но поразмыслив, пришёл к выводу, что эсеры и без него поймут, кто посетил Ларина и иже с ним. А вот возможному следствию его никто не сдаст, он им самим нужен. Поэтому пусть консьерж живёт себе, и без того вокруг золотого обоза покойники множатся, как мухи у навоза, а ведь ещё даже не середина пути. И сколько их прибавится – Бог весть... Он покачал головой, отгоняя мрачные мысли. Сейчас в первую очередь следовало раздобыть то, зачем он выбрался в Спасск: медикаменты и информацию. А потом заняться боевыми группами.

Переночевал на постоялом дворе, утром наведаясь в аптеку у трактира, заплатил за пакет с лекарствами, который наскоро собрал аптекарь услышав про тиф, отправил пакет с посыльным на постоялый двор и зашел в трактир.

Утренняя публика была немногочисленна, небольшое помещение было заполнено едва ли на треть. Туманов сел за столик в углу, с наилучшим обзором входа и зала, заказал чай с блинами, чем несколько обескуражил трактирщика, который поставил на стол ещё глиняный кувшин с квасом, и принялся читать оставленные кем-то на столе газеты. Ни о чём хорошем они не извещали. Вчера началось наступление красной армии на Казань. Судя по всему, она будет взята в ближайшее время, реванш большевиков неизбежен. Учитывая, что после Казани сдерживать наступающие войска будет негде, то скорее всего фронт переместится далеко на юг и восток. Хорошо, если перед Южным Уралом его удастся стабилизировать.

Бонусом было сообщение об объявлении большевиками Красного Террора, в ответ на убийство Урицкого и покушение на вождя большевиков Ульянова-Ленина. Совсем весело: всегда мечтал оказаться с сотней пудов золота в тылу у красных, одержимых террором и мстостью. А ведь Спасск не так далеко от Казани, и стоит на Оренбургском тракте, вдоль которого и пойдёт движение фронтов. Следовало убраться с этого района побыстрее. Вот еще с эсерами разобраться бы успеть...

Его размышления были прерваны появлением в дверях залы нового посетителя, который на входе в пол-оборота продолжал разговор с кем-то на улице. Внимание Туманова привлекла его дорожная одежда, весьма похожая на ту, в какую были одеты упокоенные им в поле боевики, и слегка потрёпанный вид. Было ещё нечто в фигуре этого посетителя, показавшееся Туманову знакомым. И когда человек повернулся в сторону зала, он сразу узнал его – это был один из трёх, изображавших в Казани уличное хулиганье. Вот этого он тогда снёс двумя ногами в грудь, хорошо запомнив круглое лицо с усиками и курносый нос. Прикрывшись развернутой газетой Туманов поблагодарил судьбу за подарок и прикинул, как взять обретенного носителя информации живым и без лишнего шума. Решив не давать ему возможности освоиться в полумраке залы, отложил газету и... недооценил реакцию противника. Едва увидев Туманова тот среагировал мгновенно: выхватил револьвер и выстрелил ему в грудь.

До этого Туманову никогда ранее не удавалось входить в боевой транс так молниеносно, кроме того, никогда ранее он не уходил в статичном состоянии от выстрела почти в упор. Сейчас же всё сработало само собой. На последнем отрезке движения ствола револьвера, переводящим его в плоскость выстрела, Туманов был уже в боевом транс и дальнейшее произошло для него в очень замедленном ритме: щелчок бойка, пламя из под барабана, появление пули из ствола, его отдача вверх и влево, и плавный полёт пули в его сторону, с вращением вокруг оси. Где-то на половине траектории её движения он спокойно сделал доворот корпусом вправо, пропуская пулю впритирку к груди, в стену, одновременно захватил пальцами кувшин с квасом и на обратном ходе корпуса метнул его в стрелявшего. Кувшин пушечным ядром пролетев через залу с грохотом разбился о череп стрелка, обдав его фонтаном брызг и осколков, и сбив с ног. Туманов сам не заметил, как успел переместиться вслед за кувшином и оказался у сражённого в тот момент, когда тот упал навзничь, глухо ударившись затылком о дубовый пол.

Посетители только начинали поворачиваться к дверям, и ещё стояла тишина, которая бывает перед бурей.

– Чёрт возьми! Мишель! Тебе же нельзя брать в руки оружие! – громко произнёс Туманов, и добавил для публики – Господа, простите его великодушно, он контуженый под Перемышлем. Герой отечества так сказать, и всё такое... Вот-с, теперь с чудасиями.

Забрал револьвер, вывернув его из судорожно сжатой руки упавшего, и вместе с мятой купюрой отдал появившемуся в дверях испуганному трактирщику:

– Вы уж сударь примите в счёт неудобств и беспокойства. Сами видите: фронтовик-с, время от времени бывает. Мы от него прячем оружие, да где находит – не понимаем.

И подхватив под руки бесчувственное тело поволок его через порог на улицу. В трактире тишина кончилась после слов хозяина трактира:

– Да что же это такое, господа? Я с ним только-что разговаривал на улице, это что-ж, он и меня мог это самое...?

Дальнейшее бурное обсуждение инцидента происходило уже за захлопнувшейся дверью. Туманов увидел у трактира одноколку, которой не было ранее, связал её появление с «Мишелем», не мешкая погрузил тело в коляску, и покатил к казанскому выезду. А тракт начинал наполняться гружёными разным скарбом подводами и телегами, потянувшимися встреч, со стороны Казани, как предвестники неминуемого отступления фронта.

Беседу с несостоявшимся собственным убийцей решил не откладывать. Через пару кварталов завернул во двор брошенной прежними хозяевами винокурни, взвалил на плечо всё ещё не пришедшего в сознание Мишеля, как назвал его Туманов, и утащил в распахнутые двери винного погреба. Бросил на землю, связал, обыскал и принялся активно возвращать в сознание: тёр уши, шлёпал по щекам и в конце концов окатил холодной водой из дождевой бочки у входа.

Доводилось вам видеть глаза, в которых плещется животный ужас? Вот такие глаза были и у Мишеля, когда Туманов привел его в чувство и тот понял, кто перед ним.

Помолчали. Туманов дал возможность ситуации наполниться драматизмом и принялся за работу.

– Мы, кажется, знакомы? – спросил нависая над пленником. – Боюсь прослыть невежей, милейший, но запомнил ваше имя. Как к вам обращаться?

Смотревший снизу вверх затравленным зверем Мишель, духом, тем не менее, окончательно не пал. Дёрнул подбородком, и пытаюсь разжечь в себе злость процедил:

– Что, твоё благородие, захотел разбогатеть под шумок? Ты хоть знаешь, кому дорогу заступил?..

– Оставим эти пошлые разборки, любезный, времени у меня мало, а дел наоборот, много. Скажу кратко: мне нужны искренние ответы на вопросы. Только и всего. И будьте уверены – я их получу. У вас есть выбор: отвечаете быстро, честно и умираете легко, или общаемся в страданиях, и так-же в страданиях вы умрёте. Поразмышляйте пока над этим, а я подготовлюсь к беседе.

Он подтащил створку дверей, снятую с петель и стоявшую в углу, к связанному. Положил на неё вяло сопротивляющегося Мишеля, перекинул петлю через связанные в локтях руки и закрепил на углах двери. Затем, напрягшись, поднял дверь стоймя и аккуратно прислонил к стене. Теперь Мишель висел на двери, вывернув назад локти, и едва касался носками сапог земляного пола. Пока он молча наблюдал за действиями Туманова, и лишь начал мелко дрожать конечностями. Туманов же одел, как фартук, старый брезентовый плащ, обнаруженный тут же, и молча вогнал в дверь два ножа.

– Ну-с, приступим. Не упускайте шанс покинуть этот мир легко. Вы не ответили на первый вопрос, и не назвали своё имя. На этом лимит моей лояльности исчерпан. Постарайтесь более не усугублять своё положение. Мне нужно знать: сколько групп прибыло для розыска, общая численность прибывших, сколько осталось в живых, где расположены, режим связи с Самарой и Казанью, как налажена связь между группами. И так?

– Дурак ты, штабс. Это у *тебя* сейчас шанс выскочить живым. – Мишель смотрел исподлобья, висение на вывернутых локтях причиняло ему нешуточную боль, – Отдай груз который везёшь, глядишь и останешься жить. После положенных тобой жмуров это шанс... ведь затравят и отберут силой. Сам подохнешь страшной смертью.

– Н-да, у вас проблемы с логикой или слухом. – Туманов соорудил кляп из картуза Мишеля и вбил тому в рот. Затем резким взмахом клинка отсёк ему правое ухо и бросил под ноги...

Через полчаса он знал всё, что могло быть в памяти Мишеля. Тело привалил дверью, сбросил забрызганный бурым плащ, вымыл в бочке окровавленные руки. Поехал на одноколке в сторону станции телеграфа, размышляя над обрисованной Мишелем картиной.

Впрочем, никакой он был не Мишель, звали его Виктором, партийная кличка Мартин. Он работал в паре со старшим, и был наблюдающим за местностью, когда две боевые группы пытались задержать Туманова в поле. О гибели товарищей решил доложить по инстанции, добрался до Спасска утром следующего дня, в здании телеграфной станции встретился со старшими трёх оставшихся групп (встречались утром каждого второго нечетного числа), рассказал им о случившемся. Старшие телеграфировали в Самару некоему Вольту, получили указание во что бы то ни стало отыскать Туманова, задержать и немедленно сообщить. Между собой решили, что Туманов сопровождает груз или обоз. Что за обоз и какой груз не ясно, но похоже на какие-то ценности, не иначе. Встретились с Лариным, повторно доложили о результатах розыска и задержания. По карте определили место, где обнаружили Туманова и к полудню отправились тремя группами на тщательное обследование этого района. Всего в группах осталось 12 человек. Было 20. Девятого числа утром должны телеграфировать Воле о результатах и получить новые указания. Если будут результаты раньше – телеграфировать вне графика. Виктора ни одна группа брать к себе не захотела, так-как все работают попарно, и его оставили в распоряжении Ларина. К Ларину он зашёл сегодня утром, как тот вчера и приказал, через чёрный ход. Увидев трупы запаниковал, решил дожидаться 9-го числа или встречи на телеграфе, ибо где искать группы сейчас он не знал. В трактире случайно встретил Туманова, был взвинчен, сразу выстрелил. Потом ничего не помнит.

Решение принял быстро: в первую очередь следовало лишить эсеров связи с Самарой, потом ускоренным маршем выдвигаться на хутор и организовывать оборону, со встречным поиском.

Подкатил к станции телеграфа, в которой было довольно многолюдно для полудня, осмотрел зал, прошел по коридорам, заглянув почти в каждое помещение. Насчитал четыре телеграфных аппарата, три в операторном зале и один в кабинете у начальника станции. Открыл щеколду запасного выхода и вышел через общий зал. В керосиновой лавке купил две бутылки керосина и бутылку спирта. Подняв верх у коляски приготовил четыре стеклянных бутылки с фитилями, смешал в них керосин и спирт. В час пополудни, когда служащие станции закрыли помещения на обеденный перерыв, обошел здание со двора, поджёг фитили и метнул по две бутылки в окна кабинета начальника станции, и операторного зала. Вспыхнувшее пламя дружно начало охватывать помещения, коридоры здания заволокло дымом. Распахнув дверь черного хода Туманов увеличил тягу для пламени, огонь загудел и пошёл по стенам и перекрытиям деревянного строения. За криками и суетой зевак не торопясь сел в коляску, и незамеченным покинул место пожара.

Двуколку бросил не доезжая до постоянного двора. Забрал свою лошадь, вещи, медикаменты, и налётом поскакал на хутор. В Спасске больше делать было нечего.

Превентивные меры

(7 сентября 1918)

На хутор добрался далеко после полуночи. До этого покругил по уреме, после Измери, и только с темнотою въехал в лес, двигаясь напрямик. Последние две версты вёл лошадь в поводу, осторожно подбираясь к хутору. И с облегчением услышал на подходе негромкий окрик Аюпова:

- Стой. Пароль.
- Тургай. Отзыв?
- Урал. С возвращением, командир.

За три дня, что он отсутствовал, в отряде ничего не произошло, напрасно волновался. Больные понемногу переламывали недуг, поддерживая друг друга, помогая по мере сил оставшимся в строю: то дрова перетаскают в дровник, воды натаскают, за лошадьми присмотрят.

Отдал медикаменты Ефросинье Савельевне, которым она очень обрадовалась, теперь ей будет проще врачевать больных. Обеспокоило другое: в лесу появлялись посторонние. Об этом доложил Аюпов.

- В лесу были чужие, командир. Второго дня ходили.
- Откуда знаешь?
- Чувствую я это. Лес к нам привык немного, а чужих сразу выдаёт.
- Давай без мистики, Юсуп. Что слышал? Что видел?
- Яры. Слышал чужое присутствие, сойки, сороки шумели. Трещали сучьями далеко, беспокойно вокруг было.
- Следы видел?
- Нет, нельзя было хутор покидать, командир, без тебя не решился. Ты отпусти нас с Рахимкой посмотреть? Быстро управимся. Я чужим глаза отведу, я умею.

Туманов кратко довел всей здоровой караульной команде изменение обстановки: фронт в ближайшие дни будет перемещаться, возможен как целенаправленный поиск отряда, так и случайное его обнаружение частями отступающих и наступающих воинских подразделений, от разведки до обозных команд. В этой связи бдительность и внимательность должна быть усилена. Боевое расписание будет пересмотрено, нужно ещё раз проверить маскировку, с этого момента соблюдать полную тишину в любое время суток. Предложение Аюпова решил принять.

- С рассветом пробегитесь, час времени на всё.

С хозяевами побеседовал отдельно. Предупредил о грядущем перемещении фронта, и возможных неудобствах в этой связи.

– Грабить будут, что те, что другие, Осип Иванович. Поэтому задача проста: схорониться от всех на ближайшее время. И нам хотя-бы недели две тут продержаться, не обнаруженными. Подлечимся и уйдём. Печь лишний раз не топите, не шумите, если начнётся стрельба – ползайте с женой в погреб, схоронитесь до поры. Будет нужна ваша помощь – я сообщу.

С больными беседовал уже в рассветных сумерках. Так же кратко проинформировал о событиях на фронте, об объявленном Красном Троре, в конце обсудили, как организовать оборону и отражение возможного штурма хутора. Казаки единодушно изъявили готовность встать в строй сей-же час, но Туманов осадил их пыл:

– Выдвигаться с таким количеством больных – авантюра. Тем более, пока есть угроза активного поиска обоза – обнаружат быстро, в каких условиях тогда придется принимать бой:

не известно. И самое главное – можем потерять груз. Поэтому, составьте график боевого дежурства, а дежурной смене находиться при оружии, в готовности к немедленному действию. Отдыхающей и бодрствующей сменам быть одетыми, оружие держать при себе. По тревоге занять огневые позиции, схему составлю чуть позже. Филатов, командуй.

Когда отправлял в лес Аюпова и Шайдаuletова было уже светло. Вместе с Нуртдиновым обошли хутор, наметили огневые точки и позиции для обороны, расчистили сектора от лишней поросли и веток. Туманов накидал схему, и занёс в избу Филатову, с ним уточнили график дежурств и маршруты выдвижения к огневым точкам. А там и лесная разведка вернулась.

Времени, отведённого Тумановым на обследование местности, оказалось мало. Но и его хватило для первых, неутешительных выводов.

– Два раза по два человека заходили в лес, командир. – начал докладывать Шайдаuletов

– Следы с полверсты друг от друга. Пешком были, прошли рядом, но нас не заметили.

– Почему так решил?

– Шаг был ровный, не сбивались, не стояли, не курили. Откуда зашли и куда вышли не успели смотреть, надо время.

– Может местные по грибы ходили?

– Э, грибник... Какой так ходит в лесу: не ищет ничего, не собирает, не отдыхает, один за другим грибник идёт, да?

Шайдаuletов слегка напустил обиду на лицо, как-бы досадуя на недоверие к своей наблюдательности. Аюпов добавил:

– Это искали нас, командир. Думали плохое, лес такое долго в себе держит, можно увидеть.

Туманов уже принял решение и бросил на ходу:

– Десять минут на сборы, предупредите Нуртдинова, выходим в лес. Надо с этими натуралистами разобраться до конца.

Сам направился к Филатову на предмет организации охраны и обороны хутора, так как в лесу им предстояло задержаться на неопределенное время.

Тщательный обход окрестностей дал дополнительные результаты: в лесу было ещё как минимум четверо. Зашли с юга, от Буракова, двигались на север, слегка забирая на запад, оставив хутор много правее. Не спецы ходить по лесу – направление не держали, ступали по веткам, оставляя явный след по сломанным сучьям, взбитой листве и мятой траве. Вышли на край леса, там их ждали, и все верхами ушли в сторону оренбургского тракта. Ветер второй день был западный, от них к хутору, поэтому не услышали, не учуяли, словом – пронесло. Но это не надолго, следующим заходом зацепят хутор, без вариантов.

Туманов размышлял над логикой поиска, которой следовал неведомый ему противник. Не имея исходных данных о степени информированности и организационных возможностей таинственного Вольта, всё же можно было предположить, что исчезновение, равно как и гибель, поисковых групп, само по себе уже есть доказательство правильности выбранного направления поиска. То, что этим занимаются боевые группы эсеров, а не регулярные части народной армии или военной разведки Комуча, говорит о приватности запущенного процесса. И это не плохо, до того момента, пока информация не уйдёт дальше. До самого Вольта добраться сейчас сложно, но оставить его без исполнителей вполне реально, не бесконечны же у него людские резервы, да и дело, которое он затеял, не для огласки. Значит рубить хвосты нужно быстрее и по самые уши, с учётом перемещения фронта есть шанс выскочить из зоны внимания. Двинуться в тылах за фронтом, проскочить к своим, а там пусть себе ищут.

– Командир, сегодня-завтра снова в лесу будут люди. – Шайдаuletов подсел ближе к Туманову, пока был короткий привал. – Им недолго осталось, чтобы на хутор выйти. Надо засаду ставить.

– В каком месте? Если четыре группы зайдут, это уже четыре направления, а их может быть и больше.

– Я их соберу в одном месте, командир. – неожиданно заявил Аюпов.

– Подробнее? – Туманов с интересом посмотрел на него, – Как ты это сделаешь?

– Э, не хитрый дело. Это просто, будут кружить по лесу, пока все не придут в один мест. По прямой никак не смогут ходить, будут ходить кругами.

– Но как? Опять мистика, Юсуп?

– Зачем знать как? Это знать не надо, командир. Меня дед учил, его аби учил. Я сделаю, как сказал. Ты мне мест покажи, где их собрать.

– Хм, ну это как-раз не трудно. – Туманов разглядывал своих бойцов, открывая в них что-то новое, от природы, не замеченное им ранее, – Вот там овражек мы переходили, и если бы они там все собрались, то было бы здорово. Там бы мы их и встретили.

– Зачем «если», командир? Раз там надо, значит там и будут. – Аюпов не спеша развязал свой вещмешок, вынул из него плотно сшитый кожаный мешочек, и протянув его своим товарищам с усмешкой произнёс, – Давай-ка, малай, насыте мне сюда. Толк не с горкой, а то сделаю так, что повиснет до следующего лета.

К удивлению Туманова все отнеслись к словам Юсупа без лишней шутивости. Посмеялись как бы, но шустро выполнили его просьбу, отойдя в сторонку. Аккуратно держа за тесёмки, принесли назад раздутый кожаный пузырь.

– Меня не будет некоторый время, часа два не будет, – Аюпов ловко собрался, прихватил за тесёмки свой заказ и привязал на крепкий короткий сук, который взял с собой. – Командир, ты этот овражек делай засаду, как приду будем сидеть и ждать.

И ушёл.

Туманов, осматривая овражек и определяя огневые точки для себя и казаков, не удержался и спросил у Шайдавлетова:

– Он действительно сможет это сделать?

– Обязательна, – как-то неохотно ответил тот, – его дед был багучы, вся семья такой. Сделает.

Подготовили два места на возвышенностях овражка, замаскировав ветками и листвой неглубокие окопы, и два места на деревьях, на чём настояли Шайдавлетов с Нуртдиновым. На исходе второго часа вернулся Аюпов. Бесшумно воплотившись в тени деревьев скользнул вдоль овражка, и безошибочно определив, где находится Туманов, доложил:

– Скоро придут, командир. По моим следам будут приходить по одному-двое.

– Ты их видел?

– Зачем видеть, их чувствовать надо. Уже в лес заходят.

Недоверчиво качнув головой, Туманов тем не менее распределил последовательность действий каждого. Следовало обойтись без излишнего шума, и взять как минимум одного языка.

Первого человека он увидел ровно в полдень. Сначала услышал: по негромкому треску лесной подстилки определил, где он появится. И вздрогнул от неожиданности, когда вышедшая на край овражка фигура вдруг взмыла вверх, нелепо задержав конечностями. Сидящий сверху на дереве Рахим слегка ослабил тонкий аркан, и опустил уже обмякшее тело, которое сноровисто утащил в кусты подскочивший Аюпов. Через минут пять к овражку вышел второй, остановился под раскидистым дубом и тут же рухнул под тяжестью обрушившегося на него Хамзы. Вместе с Аюповым они утащили тело в кусты. Ещё двое появились несколько в стороне, можно сказать неожиданно, поднимаясь по долу овражка метрах в пяти от Туманова. Этих он взял на себя. Пропустил мимо, метнулся следом и свернул шею одному, перебив ребром ладони сонную артерию второму. Убедился в готовности, и уволок с тропы в сторону, свалив

в заранее облюбованную яму со старой листвой. Едва все успели заново занять свои позиции, как под деревья на краю оврага вышли четверо, негромко разговаривая.

– Чертовщина какая-то, Грач. Вроде бы прямо стараюсь идти, а солнце то справа, то слева оказывается.

– Ты бы поменьше с утра нюхал порошка, Вьюн. Вот ей богу доложу, что...

В этот момент ровно в середину четверки с дерева упал Хамза, сбивая с ног говорившего, сходу ударив в грудь другому коротким кривым клинком и полоснув им же по горлу третьего. А четвертого сдёрнул на землю невесть откуда появившийся Аюпов, коротко взмахнув пару раз ножом. Туманов показал четыре пальца, таскавшим тела в кусты казакам, предупреждая об количестве оставшихся, на что Аюпов в ответ показал два – двое, мол, осталось. Так и вышло, двое появились минут через десять, там же, под деревьями. Одного заарканил Рахим, накинув аркан поверх плеч и повалив на землю. А второго аккуратно принял Аюпов, охватив локтем за шею и роняя на землю рядом с первым. Дожав захват до треска позвонков махнул рукой Туманову, всё мол, подходи.

Туманов подбежал, удовлетворенно отметив, что один источник информации точно есть.

– Ещё двое должны где-то быть, Юсуп. – сказал он.

– Нету больше никого в лесу, командир.

– Интрига... – протянул Туманов, переворачивая спеленатого арканом человека вниз лицом, и связывая ему руки.

– Осмотрите других, может кто годен для беседы.

Годным оказался ещё один, оглушенный Хамзой и постоянно трясающийся теперь головой. Допрашивал их среди кучи остывающих тел, которые совсем недавно были друг другу друзьями и товарищами. Постепенно отходящие от динамики боя казаки стояли рядом, добавляя мизансцене трагизма, испепеляя пленных взглядами, ещё полными боевой ярости.

– Ва...Ва...Вашш ббл... – выдал заарканенный увидев вблизи себя Туманова.

– Ну-ну, сударь, к чёрту церемонии, – тот перевернул допрашиваемого на спину и уселся на него сверху, стиснув коленями грудь. – Просто ответь: где ещё двое?

– Жж... дуг.. – нехватка воздуха и отсутствие возможности сделать вдох вогнали того в панику.

– С лошадьми, у леса? Так? – пленник закивал, уже задыхаясь и пуская пену, – Кто из вас старший?

– Он... – кивок на трясущего головой второго.

– Общайте всех, – распорядился Туманов и переключился на трясущегося. Тот впал в ступор, видимо сознание не смогло принять резкое изменение обстановки и личного статуса.

Пришлось провести ему экспресс-реанимацию, нажимая болевые точки на голове и шее. Проверив между делом его карманы, Туманов нашел знакомое уже описание своей личности, немного денег, и нарисованную на клочке бумаги схему местности, где была заштрихована большая часть и стоял знак вопроса на пустом месте, где предположительно и находился хутор. Наган он оставил где-то под деревом. Наконец Туманову удалось сфокусировать внимание пленника на себе и приступить к беседе.

– Как зовут?

– Чибис.

– Расскажите мне, господин Чибис, сколько человек ещё занято моим поиском?

– А уже почти никто. Двое держат лошадей у леса наготове, ждут нашего выхода. И всё.

– Из Казани или Самары ожидаете подкрепления?

– Послезавтра связь с Самарой, должны были доложить, что и как. А там – как прикажут.

– То есть подкрепление возможно?

– Из Казани точно никого не будет, кто мог уже все тут.

– Кто ещё знает о моём предполагаемом месте нахождения?

– Не могу знать. Вольт в Самаре, разве что.

– Его фамилия?

– Не знаю. Ой, что-то плохо мне... – пленник побледнел и мягко стал заваливаться вбок, закатив глаза.

Туманов нащупал сонную артерию, пульса не было. Бегло осмотрев кучку найденного при обыске, снова обратил внимание на схему из кармана безвременно усопшего. В общих чертах там было понятно, где находится место встречи поисковых групп, но для экономии времени решили взять проводником заарканенного пленника. Следовало довести дело до конца.

Оставшихся двоих, карауливших лошадей у леса, сняли просто – те расслабленно полулежали у разведенного костра, да так и остались там, не успев даже понять, что произошло: Рахим и Хамза тихо подобрались и одним броском накрыли пару, вогнав в грудь ножи по рукоять. Проводника, указавшего дорогу, упокоил Аюпов. Лошадей расседлали и выгнали из леса в поле. Тела и сбруи схоронили в кустах шиповника.

Вернувшись на хутор, уже к вечеру, отправил Нуртдинова и Шайдаветова с лопатами в лес, закопать тела в овражке, чтобы не привлекать внимания стервятников. Теперь можно было и немного расслабиться, теперь по следу отряда никто не шёл. Он надеялся на это.

Поводок

(8 сентября)

Утром следующего дня Филатов доложил, что казаки готовы к маршу, и сидеть без дела уже никак не могут. Туманов понимал, что болезнь ослабила всех сильно, но так же знал, что дело и служба врачуют не хуже лекарств. Ефросинья Савельевна осуждающе качала головой, и выражала сомнение в правильности намерения засидевшихся на месте казаков. Ещё бы подлечиться неделю-другую, и тогда уж... А башкиры уже молча приводили в порядок подвижной состав обоза. В общем, Туманов решил двигаться дальше. Тому были и другие резоны: он всерьёз опасался обнаружения и неизбежных сопутствующих сложностей при перемещении фронтальной полосы, так-как они находились в опасной близости от оренбургского тракта. Было бы правильнее двигаться перед фронтом и в сторону от него, чем за ним. На подготовку к выдвигению потратили два дня. Обслужили подводы, лошадей, подправили амуницию и пополнили припасы, и выступили в ночь на 10 сентября.

Туманов долго размышлял, как обезопасить хозяев хутора от возможных последствий их вынужденного гостеприимства. Поступить с приютившими отряд стариками так, как предписывают правила разведки он просто уже не мог. Да и казаки настороженно посматривали на командира, пока он принимал решение, демонстрируя невербальные сигналы осуждения возможного приказа... В общем, с хозяевами расстались душевно, приведя в порядок хуторское хозяйство после своего пребывания. Старики были приятно удивлены щедростью гостей, оставивших им целым и хутор, и оплату за него, превышающую номинал раза в два, чего уж греха таить. Туманов подробно объяснил обоим, что и как отвечать на возможные расспросы любопытных: никого и ничего не видели, сами болели тифом, поэтому сидели на хуторе всё время. Приезжали какие-то военные на подводах, но узнав о тифе сразу уехали. И было бы лучше старикам вообще уехать на неделю-другую куда-нибудь, и вернуться после всех военных событий. Деньги же есть? Ну вот. Если что и случится без вас с хозяйством – будет на что подправить. А про нас забудьте...

Двигались теперь медленнее, чем ранее. Казаки в седлах уставали, внимательность снизилась, поэтому в первую ночь преодолели верст десять, с рассветом встав лагерем в лесу, недалеко от Караваево. Выставили дозор, и отдыхали до полудня, радуясь наступившему бабьему лету. Осень уже начала золотить косы берёз, напоминая о неизбежных скорых дождях и распутице. А они обязательно снизят и без того невысокую скорость обоза, а то и остановят совсем. И уходить им предстояло на восток, приближаясь к Уралу и его холодной осени. Чуть позже, когда отойдут подальше, можно будет двигаться днём, делая переходы длиннее. А пока второй ночной переход завершили не далеко от Большой Полянки. После дневного отдыха, перед самым выходом, Аюпов подошёл к Туманову и тихо сказал:

– Командир, плохое началось.

– Что не так, Аюпов?

– На поводок нас взяли, командир. Плохие люди следом идут. Думаю, на хуторе беда случился.

– Объясни. – Туманов уже относился к необычным способностям Юсупа с определенной серьёзностью.

– Думаю, к наш старик плохие люди пришли. И есть там человек, который много знает и умеет. Чёрный воин. Он наш след увидел.

– Как такое возможно, Юсуп? Мы убрали все следы, я лично проверил.

– Убрали, да. Толк не всё. Жили долго, много следов мусор осталась: стриглись–брились, мылись. Если что нашёл этот человек – тепер наш след будет видеть, как... как компас, вот. Тепер всегда будет знать, в какой стороне мы идём.

– И как ты это узнал?

– Как узнал? Да вот же, видишь прозрачный облак над нами? – Аюпов чуть скосил глаза вверх, – Видишь?

– Не вижу ничего, – Туманов осторожно осмотрел небо.

– Ну, я вижу. Я это умею, командир. Плохой знак.

– Ты же не шутишь, Юсуп?.. – спросил Туманов без особого смысла, уже понимая, что теперь придётся проверять всю эту полумистическую информацию самому.

– Э, самый время для такой шутка, командир. Зачем так скажешь?

А что ещё тут можно было сказать? Туманов вздохнул и недолго поразмыслив отдал команду усилить дозор, и оставаться на месте до его прибытия. Сам же, взяв с собой Аюпова и Шайдаветова, решил вернуться на хутор и разобраться с происходящим на месте.

Двадцать вёрст уже пройденного маршрута преодолели к исходу ночи, и с рассветом осторожно, пешим порядком, подобрались к хутору, оставив лошадей в полуверсте. С северной стороны далеко, на грани слышимости, рокотала канонада – судя по всему, фронт начал откатываться от Казани на юго-восток. Понаблюдали за хутором, не выходя из леса. Никакого шевеления. А уже светло, в открытом настезь сарае мычит корова, видимо не доеная. Двери и окна в избе тоже нараспашку. Плохо. Оставив казаков на месте, обошёл хутор лесом, и с обратной стороны, на стене бани увидел хозяина. Вернее то, что от него осталось... В разорванном почти надвое, окровавленном обнажённом теле, растянутом за ноги и висящим вниз бородатой головой, узнать Осипа Ивановича было невозможно, но... просто некому больше было тут висеть. Запёкшаяся кровь и хоровод из мух. Прислоненная к стене двуручная пила, бурая от крови и налипших внутренностей. На белой, известковой, бревенчатой стене кровью начертан серп и молот: совдепия и красный террор...

Перебежкой преодолел расстояние до бани, скользнул к сараю, прикрываясь от избы створкой распахнутых ворот, заглянул внутрь. Через щель брёвен луч восходящего солнца падал на Ефросинью Савельевну. Она была подвешена за вывернутую шею, с синюшным лицом, прикусив далеко высунутый язык, сдёрнутая от пояса вниз кожа висела нелепо спущенными штанами... В углу сарая натужно мычала корова, кося на хозяйку налитыми кровью глазами и ритмично ударяя рогами в закрытую калитку хлева. Туманов рывком подскочил к углу избы, держа наготове наган. От леса к противоположному углу метнулись две фигуры, охватывая избу в клещи. Оттолкнувшись от заваленки влетел в раскрытое настезь окно, крутанувшись в центре помещения в поисках цели. Увы, никого не было в разграбленной избе. Перевернутые лавки, смятый самовар, разбитая посуда, открытый и выпотрошенный хозяйский сундук со сломанной крышкой. В дверь и окно заглянули Аюпов и Шайдаветов. Не успели...

Внимательно осмотрели хутор, пересчитали все следы на дворе и дороге, утроив внимание к любым мелочам от переполнявшей жажды мести, и быстро составили общую картину происшедшего.

Пятеро верхами, заехали вчера утром не таясь, по росе. Хозяев начали пытаться прямо в избе, окрасив стены и половицы кровяными брызгами. Стариков *сломали* быстро, сразу выяснив всё, что им было нужно, дальше мучали уже из маниакального, сатанинского удовольствия. Разворошили зачем-то помойную кучу, размазав по брошенной рядом, снятой с петель двери, содержимое. Разбили иконы, забрали деньги из сундука и всё, что показалось ценным. Ушли к вечеру, так-же по дороге, пятеро верховых. Аюпов мрачно разглядывал лежавшую на земле, у мусорной кучи, дверь. Наконец, сплюнув, указал на неё Туманову:

– Вот, командир. Отсюда поводок набрасывал, – ковырнул прутом слипшиеся и ссохшиеся остатки помойных смывов. – Кровь брал, пот брал, волос или кожу, ногти можно, и плохой

заговор делал. Чёрный человек. Чёрный воин. Очень плохо. Его *кыт* чёрный след оставил, до сих пор есть.

– Что за напасть ещё, на нашу голову? – Туманов уже выстраивал цепочку возможных вариантов, но верить во всё происходящее не хотелось.

– Да, напасть. Это верно будет. Он тепер будет за нами идти, как хвост. Пока его не убьём. Или он нас. Такие дела, командир.

Похоронили тела стариков в одной могилке, в углу двора. Выпустили на волю буянившую корову, прикрыли двери и окна в избе. В обратный путь двинулись уже в сумерках.

Из собранных фактов предположить можно было следующее. Самарский загадочный Вольт не обошёлся услугами одних лишь эсеров, а сопоставив имеющуюся у него информацию с результатами поисков подключил иные возможности, скорее всего связанные с новой властью, забирающей Россию в свои кровавые объятия. В общем, с народной армией Комуча это уже никак не связано. Это уже похоже на спецотряд тайной разведки красных. ЧеКа, кажется? Фронт рваный, прошли в тылы, добрались до района поиска и исчезновения поисковых групп эсеров. Как вышли на хутор – не понятно, но искали целенаправленно, и удача им улыбнулась. Впрочем, имея те же карты, что и у Туманова, не сложно прочесать обозначенные поселения, хутор на них указан. Он бы сам начал искать именно с хуторов, их не так уж и много. А если упокоенные группы эсеров тоже были *на поводке* у неизвестного преследователя? Да запросто, даже – скорее всего! Тогда всё можно объяснить совсем просто.

Только как теперь с этим быть? К борьбе с потусторонним Туманова не учили, он и сам не ангел. В необъяснимое верил только потому, что сам был свидетелем возможностей Аюпова, которым никакого объяснения дать не смог.

– Скажи, Юсуп, а можно что-нибудь сделать, что бы этот чёрный человек не смог бы за нами следить? – неожиданно для себя самого спросил Туманов, когда они уже приближались к расположившемуся лагерю отряду.

Аюпов задумался, и не торопился с ответом. Лошади размеренно шли шагом. Обозначилась светлая дымка, предвестница рассвета, и вдруг к ним параллельным курсом, из леса выплыли две фигуры – высокий старик с посохом, в долгополом кафтане и высокой шапке, и старушка в длинном сарафане и душегрейке, глухом платке и котомкой за спиной. Они двигались плавно, вровень с седоками, в полной тишине, не смотрели на них и не оставляли следа по высокой траве. Шайдавлетов тихо зашептал что-то, а Туманов не поверил своим глазам: Осип Иванович с супругницей... И тут старик повернул к ним голову и, пропадая с супругой в дымке, указал посохом на Аюпова. Тот остановился и негромко произнёс:

– Ай рахмат, бабай. – и обернувшись к Туманову вдруг сказал, – я попробую, командир. Тепер попробую.

– Ты видел, Юсуп? – шёпотом спросил Шайдавлетов.

– Канечна, не слепой. Бабай подсказал, как надо пробовать, тепер будем посмотреть, как он нас искать станет. – Аюпов очень довольный пустил свою лошадь лёгкой рысью.

Туманов помотал головой, столько необычного на него ещё не сваливалось. Но страха не было, наоборот, появились бодрость и ясность мышления.

– Что нужно сделать, Юсуп? Ты понял?

– А-е, командир. Сделаю. Нужен кровь, пот, ноготь со всех, и волос тоже. Мячик делаю, ду-а делаю, отправляю в другой сторона и пусть ищет чёрный воин.

К лагерю вышли уже засветло, под бдительный окрик дозорного. Не тратя времени на долгие объяснения, Аюпов занялся сбором всего необходимого *материала*, чем немало озадачил казаков. Но, видя как первым сделал всё, что было нужно Туманов, казаки безропотно выполняли все требования: дали остричь по пяди волос с каждого, по кусочку ногтей, поскребли шеи и царапнули иглами пальцы – Аюпов остался доволен, утачив в сторону то,

что было ему нужно и уединившись в стороне от всех. Через некоторое время он вернулся с малым узелком в руке и положил перед Тумановым:

– Готово, командир. Это надо отправить куда-нибудь сторона от нас. Просто положить любой телега.

Туманов жестом подозвал Нуртдинова.

– Двигайся на юго-запад, через пятнадцать верст будет оренбургский тракт, там в любой проходящий обоз или подводку положишь. К вечеру успеешь вернуться, Хамза, не задерживайся.

Нуртдинов с опаской взял в руки узелок, взвешивая его в ладони, как бы оценивая степень угрозы или опасности, и наконец спрятав за пазуху, кивнул:

– Есть, командир. Сделаю.

Аюпов проводил его, негромко объясняя что-то и помогая забраться в седло.

Казачья новость о кончине стариков восприняли с суровой сдержанностью, за которой откровенно просматривалось обещание каждого поквитаться при первой же возможности, и не единожды. День прошёл словно одни длинные поминки, никто не шумел, не шутил, старались ходить и делать дела по лагерю тихо.

Нуртдинов вернулся уже в сумерках, уставший, весь в дорожной пыли. Лошадь тяжело водила боками, видно было, что ей досталось не мало. Доложил, подойдя к Туманову:

– Сделал, командир. Положил в санитарный повозка, никто не увидит.

– Молодцом, Нуртдинов! Хорошо придумал. Что ещё видел-слышал?

– Отступаем. Со стороны Казань-га сплошной обоз идёт. Говорят, красные фронт порвали, их отряды уже видели местный житель. Говорят, Симбирск красный взяли.

– Понятно. Самара на очереди, стало быть... – Туманов невесело усмехнулся. – Отдыхать. В полночь выступаем.

Мокрые дела

Ночной переход выдался не простым, пришлось проходить между близко расположенными друг от друга деревнями, пересекать проселочные дороги и уже под утро, через небольшой мост в районе Балдуевки, форсировать речку Черемшан. Казаки постепенно наращивали темп движения, однако ночные марши не могли быть быстрыми на пересечённой местности. Выручало то, что дни стали короче, ночи почти выровнялись с ними по продолжительности и теперь позволяли двигаться по 10 часов в сутки. На дневку встали верстах в пяти от речки, в небольшом лесном массиве, преодолев за ночь пятнадцать вёрст. Днём Аюпов настороженно поглядывал на небо, но после полудня совершенно успокоился, и тревоги не проявлял. И следующий переход не принёс никаких особых сложностей, разве что движение через ночной лес никак не способствовало скорости движения. Авангарду приходилось набивать маршрут, учитывать ширину колеи, обходить овражки, завалы и сырые места, а арьергарду досталось маскировать следы движения максимально возможным способом, что по тёмному времени, понятное дело, качественно осуществить было не возможно. И тем не менее, свои пятнадцать вёрст преодолели и в этот переход. Днёвка прошла спокойно, из леса так и не вышли, лагерь разбили не далеко от Сосновки, небольшой деревни дворов на тридцать. А ближе к исходу дня, неожиданно для всех, вдруг начался ливень. Именно вдруг и неожиданно, ибо погода до этого стояла устойчиво сухая, и ничего не предвещало её изменение на ближайшие два-три дня, в связи с чем планировалось за это время выйти в район Екатерининского и покинуть беспокойную зону, которая могла стать прифронтовой. И вдруг нате вам – ливень. Сборы в дорогу пришлось прервать и заняться срочным обустройством защиты лагеря от сырости и влаги, которые по ночному времени грозили доставить немало неудобств. О движении можно было даже не помышлять, быстро размокшая лесная подстилка совершенно не держала груженные подводы, проваливая первую на ладонь, а последнюю, двигающуюся по колее, уже по самые ступицы колес – попробовали и прекратили это бесполезное дело. Пришлось стоять лагерем и пережидать внезапный ливень, надеясь, что такие обильные осадки долгими не бывают.

Оказалось – бывают. Утро не принесло ни просвета в затянутом облаками небе, продолжавшем упорно и сосредоточенно смывать потоками воды всё, что оно считало лишним. Не прекратилось это и к вечеру, продолжалось всю ночь и весь следующий день.

Туманов уже не раз ловил взгляд Аюпова и понял, что тот хочет что-то сообщить, но не решается, как-бы из осторожности или возможной поспешности своих выводов. Уже вечером, на третий день непрерывного ливня, Аюпов подошёл к Туманову и смотря ему прямо в глаза произнёс:

– Командир, этот вода нам привет от Чёрный человек. Верно говорю. Это и не совсем вода даже. – Он как-то устало вздохнул и нахохлился под промокшим насквозь полотном брезентовой плащ-накидки.

– Он нас снова нашёл? Твои усилия были напрасны?

– Наоборот, командир. Он нас потерял. Поэтому вода напустил на весь район. Мы идти не можем, а он может. Толк не знает куда. Тепер будет нас искать, а мы будем стоять.

– Юсуп, объясни, как можно вызвать такой ливень по желанию человека, пусть и *чёрного*? Разве такое возможно?

– Э, командир, и не такой чудес бывает. Ты думаешь это обычный вода? Не-ет, это не совсем вода, это как бы с той стороны льёт на эту. Там можно делать что хочешь, хоть вода, хоть засух, хоть снег. Там делает, а тут всё получается. Особенно когда день и ночь одинаковый, время равный.

– День равноденствия? Ничего не понял, но вижу, что влаги вокруг, действительно, в избытке. – Туманов оглядел деревья у лагеря и неожиданно скомандовал:

– Филатов, распорядись – кто полегче, нужно подняться повыше и осмотреть кругом окрестности, везде ли такая катастрофа.

Казаки деловито занялись поручением. Верхами пустили Суматова, как самого легкого и ловкого на подъём. Прихватив крепкую верёвку, он кошкой вскарабкался на высоченный дуб, с широко и вольно раскинувшимися ветвями, и почти исчез в его ещё зеленой кроне. Скользящая кора то и дело норовила вернуть его на землю, но обхватывая верёвкой ствол Суматов наконец поднялся до самого верха. И как на ладони увидел перед собой всю панораму лежащей окрестности. Крикнул вниз:

– Готово, командир!

– Что видишь, Суматов?

– До горизонта на север, восток и юг тучи и ливень. Откуда пришли, на запад у самого горизонта чисто, закат хорошо вижу. Но очень далеко.

– Благодарю. Слезай аккуратнее.

Горизонт с вершины дерева это примерно тридцать вёрст. Выходило, что действительно там, откуда они ушли, было сухо, как и раньше. А вокруг творился этакий потоп. Чудеса.

Ещё почти сутки потоки воды хозяйничали и в воздухе, и на земле, прежде, чем наметилось некое просветление на небе. К вечеру следующего дня ливень перешёл в обычный дождик, затем и он перестал. С рассветом Туманов выслал Филатова и Лисина разведать, что и как по маршруту следования. А Шайдаветова отправил проверить обстановку с направления уже пройденного пути. Вернулись разведчики после полудня, промокшие и грязные. Докладывал первым Филатов:

– Сырость и грязь в лесу, командир. Следы остаются чёткие, гружёные подводы пока еще увязнут. На дорогах много обозников и пехоты, перемещаются не сплошными колоннами, а отдельными отрядами. Двигаются все на восток – юговосток.

В лесу подозрительных следов не заметили, маршрут на один переход набили. По ходу движения пересекаем пять дорог и пару оврагов.

– Сзади никакой наш след уже нет, – доложил Шайдаветов. – Вода всё смыл, чисто. Поэтому никто по наш след не шёл. Но вдоль кромк леса видел след. С север и юг, где лес кончается и начинается поле, там вдоль кромк видел след, три лошади. Очень похоже на контроль, смотрели есть ли выход из леса. Или вход. Смотрел лес на обе стороны, а там и там след одинаковый. Одни и те же лошади были.

– А ведь и мы такой след видели, командир, – неожиданно подтвердил Филатов. – Так и есть, краем поля, вдоль кромки леса были следы. Мы их не проверяли, приняли за следы отступающих.

Туманов, выслушав доклады, посмотрел на Аюпова. Тот поймав его взгляд отрицательно качнул головой, ничего не чувствую, мол. Это уже было не плохо, с земными проблемами как-нибудь и управимся. Если на дорогах военные колонны и подразделения, то на ночь большинство деревень и сёл будут с постояльцами. Коротко говоря, на дороги выходить рано, лучше двигаться по прежнему – лесами, так будет безопаснее для обоза.

– Делаем так, – наконец решил Туманов, – сутки ждём, при сухой погоде в следующую ночь выдвигаемся. Филатов, караул вокруг лагеря усилить, на счёт огня и дыма даже напоминать не стану, не дети малые.

– Есть предложение, командир. – неожиданно сказал Филатов. Это было необычно, принятое решение казаками выполнялось без предложений и обсуждений.

– Слушаю.

– Выдвигаться не обычным порядком, а с маскировкой следов отдельной командой.

– Интересно. Обоснуй.

– Мы двигаемся ночью и лесами, командир. По темноте следы правильно не замаскировать, всяко будут огрехи. Предлагаю после выдвижения обоза оставлять на дневке пару человек, они по светлому времени идут пройденным маршрутом и убирают те следы, что остались. За день как раз подойдут к следующей дневке. Дальше так же – ночь отдыхают, днем идут следом. И ещё, командир: в лесах хозяева – местные мужики. Деревенские лес знают, как свой двор. По любому следу поймут, что тут воруют – лес или зверя, или едут по лихому делу. На дорогах следы теряются, а вот если кто в самом лесу его увидит, влёт вычислят. Их глаза надо пуще всего опасаться.

– В целом толково. – Туманов согласно кивнул. – Следы подчистить, за одно и тылы будут под дополнительным контролем. Молодец, Филатов. Хвалю. Первыми вы с Лисиным и пойдёте.

Следующие сутки выпали сухими, и с наступлением сумерек начали движение. Земля была всё ещё сырой, приходилось подводы пускать не по впереди идущей колее, а своей колеёй, что значительно расширяло требуемое пространство для передвижения в лесу. Но справились и с этим. Двигались по уже набитому маршруту, через лесные дороги переезжали настилая гать из лесин, тщательно убирая их и свои следы после переезда. До рассвета прошли пятнадцать вёрст лесом, встав на дневку между Новым Ибрайкино и Татарской Волчьей, перед этим не мало потрудившись преодолевая большой лесной овраг. Туманова радовало, что подводы при такой нещадной эксплуатации не ломались, исправно крутили колеса и дополнительных хлопот не доставляли. Кроме следов. Приходилось надеяться на опадавшую листву и то, что предложение Филатова сработает, и в лесу их мало кто увидит. Днём настораживали то внезапно начинавшаяся где-то вдалеке перестрелка, то одиночные редкие выстрелы. Караул снова выставили усиленный. И как оказалось – не зря: сильно после полудня от тылового дозора пришел сигнал тревоги. Резкий крик сойки в тихом лесу смёл всех отдыхающих на заранее намеченные огневые позиции, заняв круговую оборону. Туманов тенью скользнул к стоящим, метрах в стах, в дозоре Суматову и Щукину, подавшим сигнал. Взглядом уточнил: что случилось? Щукин показал три пальца и ладонью обозначил направление. Понятно, трое неизвестных с тыла. Туманов внимательно осматривал лес, насколько позволял желтеющий покров, но никакого шевеления или признаков присутствия человека не увидел. Шёпотом спросил:

– Что видели?

– Трое шли по следу. – еле слышно прошептал Щукин. – След в след. Услышали сигнал и как сгнули.

Знаками поделили сектора наблюдения и замерли в ожидании. Наконец минут через пять Туманов заметил лёгкое шевеление, на пределе видимости, среди зарослей папоротника. Едва сдвинулось тёмное пятно, но не в сторону, а чуть вверх и вниз. *Значит, битые и осторожные?* Жестом указал казакам на обнаруженное движение и также безмолвно направил Суматова в обход с левого фланга, сам ужом сдал чуть назад, и прикрываясь неровностями переместился много правее. Влажная лесная подстилка мягко гасила шаги, и двигаясь почти бесшумно он через какое-то время увидел сидящего на корточках бородатого мужика, в чёрном кафтанчике, такого же цвета картузе, с лежащим на коленях кавалерийским карабином. Сидел он спокойно и не шевелясь, привалившись спиной к стволу дерева, левым боком к Туманову, из-под низко припущенного козырька спокойно обозревал местность перед собой. Чуть сзади него, за деревом, неожиданно показалась голова ещё одного, тож в картузике, с пшеничного цвета волосами из-под него. И тут же пропала. Ага, его-то Туманов и заметил с самого начала, а вот этого, неподвижного, не углядел. Сидел в тёмном, на фоне тёмного ствола, вот и не заметил. Урок на будущее. «Где же третий?» – на выдохе шепнул сам себе Туманов.

– А тута... – Из-за широкого ствола дуба шагнула грузная фигура и взмахнула прикладом мосинки.

Очнулся в темноте, от колокольного звона в голове и резкой боли в затылке. На глазах повязка из вонючей тряпки, руки были завёрнуты за спину и связаны так, что крепость уз не позволяла и кистью шевельнуть. Он и не шевелил, пытаюсь на слух оценить обстановку. Сидит на земле, спиной к дереву. Треск костра. Тепло от огня с правой стороны. Удаляющиеся шаги. Шаг тяжёлый, размашистый. Запах лошадей.

Внезапно на голову обрушился поток ледяной воды, насквозь и сразу вымочив его всего. Туманов задохнулся от непроизвольного спазма, и с резким криком выдохнул спёрший легкие воздух. Надсадно задышал, сплёвывая вонючие капли, падающие с повязки.

– То-то, – пробурчал басом кто-то рядом. – будя ушами стричь, чичас всё узреешь.

Его схватила за воротник жёсткая и ощутимо огромная пятерня и вздёрнула на ноги, как щенка. Толкнула в спину:

– Шагай-ко.

Стараясь не запнуться в траве, повыше поднимая ноги он двинулся в сторону костра, куда направлял его невидимый конвоир. Встал, одёрнутый за воротник. *«Как с щенком, ей-богу»*. Неподдалёку раздались и стали приближаться голоса. *«Трое»*.

– Ну што? Ожил?

– Ага-сь. Хитёр гусь, Демьян. Сопит да слушает, пришлось охолонуть ретивость. Кабы утечь не удумал.

– Куды-ж яму тикать, – засмеялся кто-то, – рази в поганный ров, к дружкам своим, полежать вместях...

Засмеялись ещё двое. *«Пятеро»*. Жёсткий палец поддел со лба повязку и резко сдёрнул. Пламени небольшого костра хватило, чтобы напрочь сбить привыкшее к темноте зрение, глаза сощурились и заслезились от дыма. Он стоял в окружении пятерых, одетых в одинаково тёмное, бородатых мужиков. Почти все, кроме одного, среднего роста, одинаковы фигурами и в движениях. Разнил их разве что цвет волос: седой, рыжий, светлый да русский. Стоящий рядом, один из всех, был велик. На локоть выше Туманова, кулаки с голову ребёнка, мощный торс и необъятные руки-ноги. На голове треух, в отличии от остальных, тулупчик подпоясан кушаком, за ним заткнут приличного размера кинжал в ножнах. *«Местные»*. Недалеко стояли расседланные лошади.

В затылок прилетела затрещина, да так, что голова мотнулась в сторону, взорвавшись едва успокоившейся было болью.

– Не верти башкой, гнида. Шо высмотреть хошь?

– Погодь, Седой. Едак ты яво ухлопаешь раньше срока. – один из стоявших вокруг толкнул в бок великана.

– И то правда. – Вперёд выступил мужик, которого Туманов запомнил сидящим под деревом. Он не спеша прикурил самокрутку от тлеющего углём сучка и, махнув рукой на дым, кивнул Туманову: – Кто таков? Пошто лесом обозничаешь? Дорог тебе мало?

Туманов не спешил с ответом. В ускоренном темпе прокачивал физические данные собравшихся, разгонял организм, готовя его к работе в экстремальном режиме, незаметно ослаблял затёкшие мышцы и выравнивал дыхание.

– Язык-то есть у ево? – спросил один из стоявших, млажавый мужичок с пшеничными волосами и бородкой.

– Не тяни время, Демьян, ташиши ево с бярозой обниматься. – прогундел в бороду ещё один. Остальные оживлённо загалдели.

– Слышал, шо народ требат? – театрально спросил у Туманова тот мужик из-под дерева, оказавшийся Демьяном и судя по всему жожаком в этой лесной шайке. Он не спеша повернулся в сторону, за ним обернулись и остальные. Туманова повернул в нужном направлении Седой, приподняв за воротник и поставив как надо.

«Все. Больше никого нет».

– Глянь сюды. – Демьян указал самокруткой на стоявшую поодаль берёзу.

Дерево выросло буквой V, было треснуто по середине и распято на стороны орясиной. Демьян не спеша подошёл к дереву и похлопал по измазанной чем-то тёмно-бурым расщелине:

– От сюды-от положим твои ручки-ножки, стяжок выбьем, да поговорим ладком. А коли не сладим, дык самого усадим, как в седло. Ты яишню любишь? – спросил усмехаясь, глядя на Туманова.

Окружающие поддерживающие засмеялись. Предстоящая забава всем казалась по душе. Они обступили несчастную берёзу.

– Ложи ево, Седой. – махнул рукой Демьян.

Великан споро ухватил Туманова поперёк туловища и потащил к берёзе. Перехватил поудобнее и через себя начал перекидывать в распятую седловину. *Бей.*

Выдохнув, Туманов откинулся и вломившись в боевой транс резко ударил великана лбом в нос, с хрустом вминая его в череп. Извернувшись, оттолкнулся ногами от осевшей в расщелину туши Седого, и подпрыгнув выбил распорку, сдерживающую стволы. Удовлетворённый чавк берёзы, треск костей и хлынувшая горлом и носом кровь Седого парализовали окруживших дерево. Не теряя и мгновения, Туманов в прыжке, ударом двух ног отправил светловолового молодца в костёр, взбив сноп искр и пламени, сбил подсечкой другого и носком сапога в висок упокоил четвёртого. Остался пятый, Демьян, в ужасе сующий руку за пазуху и никак не попадавший. Туманов метнулся к нему, попутно ломая ребром стопы горло сбитому с ног, но неожиданно Демьян упорхнул в сторону, за исходящий искрами костёр. А на его месте высветилась фигура Филатова, с шашкой наголо.

– Живым! – распорядился Туманов и подставил под клинок Филатову связанные руки.

– А как жа! – раздался у костра голос Лисина. – готово, получите. Оба-двое, как зазывали.

Скрытый за отсветом костра Лисин сидел на двух телах, лежащих на животах, и задрав им головы за волосы довольно щерился.

Обгоревший светловолосый, исходящий дымом и смрадом палёного, к беседе был не пригоден – грудная клетка была сломана ударом, харкал кровью и хрипел, норовя закатить глаза. А Демьян оказался слабым на боль. Кося ошалевшими глазами на свои сломанные и растопыренные в разные стороны пальцы, он истово делился всем, что знал быстрее, чем ему задавал вопросы Туманов.

«Да, из местных. Нет, больше никто и никого. Из Волчьей Слободы. Второй год, как лесом живём. Тут и живём, вон там землянка для себя и сарайка лошадям. Никто из местных сюды не ходит, боятся. Нас боятся. Не ведомо, чего боятся, мы никого особо... Оружие раздобыли сами. Три-четыре обоза облегчили. Нет-нет, никого. Просто отдавали сами. Мы не хотели, христом-богом... Просто пугали. Не искали, нет. Случайно на след в лесу наткнулись. Мы-ж тут живём, как не найти. Не убивали никого. Детей мал-мала, всех кормить надо».

Оставив на поле сражения Лисина, Туманов с Филатовым вернулись в лагерь, находившийся в паре вёрст в полной боевой. Дозоры и весь личный состав приготовились к обороне, и к немедленному выдвигению при необходимости. Исчезновение Туманова озадачило казаков не меньше, чем его самого: никто так и не понял куда он пропал. Хорошо, что Филатов с Лисиним при своём возвращении увидели отблеск костра и дыма в разбойничьем логове, подобрались ближе в самое нужное время, и включились в процесс, так сказать.

Туманов распорядился перебраться в обнаруженное логово лесных разбойников, чтобы с утра разобраться с ситуацией подробнее. Дальнейшее движение по маршруту пришлось отложить.

С рассветом ознакомились с доставшимся лесным хозяйством. Кроме большой и отапливаемой землянки на десять человек, был обустроен крепкий сарай, с навесом для того же количества лошадей, с запасом фуража. В землянке отыскалось много разной гражданской одежды,

как летней, так и зимней, в том числе дюжина новеньких бекеш и шинелей (видимо, трофеи с разбойных набегов). Совсем рядом с постройками бил чистый родник, дававший начало ручью. Всё хозяйство было аккуратное и добротное, и внешне ничто не указывало на то, чем занимались бывшие постояльцы. Кроме одного. В стороне, в ближайшем овражке, в двухстах метрах от всего, были обнаружены останки двенадцати человек, разной степени сохранности. Кости у всех были раздроблены или переломаны, черепа пробиты. Раздетые до исподнего трупы были слегка присыпаны землёй, листвой и ветками. Как минимум три из них были женскими. Жутко было и представить, что довелось пережить им перед своей кончиной. Понявших, что их ждёт и потерявших человеческий вид Демьяна и светловолосого оттащили к овражку, и изрубили шашками. Туда же сбросили трупы остальных разбойников, наскоро забросав сырой землёй.

Бугульма.

(Сентябрь 1918)

Нового шефа Клепинов видел мало. В тот день первого знакомства с ним, он добросовестно исполнил порученное ему дело: лично собрал с каждого боевика своей последней группы по пять капель крови, уколов каждого новой иглой и сцедив рубиновые капли в разные пробирки (и свою тоже, так было велено). Всё это доставил шефу, на Рыбнорядную, а примерно через час забрал небольшой свёрток, с куриное яйцо размером, и вручил его Чибису, наказав держать при себе и беречь пуще глаза, с чем и отправил его с группой в Спасск. Доложил шефу по исполнению, уже привыкая, что штаб-квартира эсеров стала бывшей, и перешла в полную собственность нового шефа и, как оказалось, его команды – в квартире он обнаружил ещё четверых людей, молодых, молчаливых и источавших в пространство ощутимую волну угрозы и опасности, это Клепинов ощущать научился давно. Больше с командой шефа он не встречался (чему был втайне и рад), а сам шеф дня через три неожиданно подсел к нему за столик в ресторане, где Клепинов традиционно проводил вечера, и поинтересовался, есть ли новости от поисковых групп. Новости должны были поступить девятого числа, по графику связи, о чём Клепинов и уведомил шефа, и тоже слегка озадачился, прочитав в его глазах некую озабоченность.

А ещё через три дня произошло чрезвычайное событие – группы не вышли на связь. Собственно, это было уже на фоне начавшегося штурма Казани красной армией, но шеф придал этому исключительную значимость: со своей командой лично собрался выезжать в район поиска (или уже пропажи) групп, а Клепинова отправил из Казани в Бугульму, наказав быть там третьего дня, организовать в прилегающем районе поиски обоза и ждать прибытия шефа или его человека. Времени на дорогу отведено было мало, посему Клепинов и убыл, не мешкая, оставив шефу самому разбираться с судьбой пропавших поисковиков.

В Бугульме Клепинов споро организовал всё по прежнему, наработанному уже, опыту: первым делом снял хорошую квартиру, с двумя выходами, затем собрал про запас малой мощности бомбу с часовым механизмом (привычка со времен *эсков*, пусть будет, может внезапно потребоваться), собрал находящийся на нелегальном положении эсеровский актив, убедился в его способности решать предстоящие задачи и обозначил район поиска в тридцати верстах окрест города. Разбил его на четыре зоны и отправил в каждую по поисковой группе о трех бойцах. Всего, стало быть, двенадцать человек. Не Казань, конечно, нужных людей мало, но, как говорится – чем богаты. Сам тоже в стороне не остался: курсировал по округе, поочерёдно, через три дня на четвёртый, принимая доклады каждой группы о результатах поиска, оговаривая с каждой место и время следующей встречи. Раз в четыре дня посещал телеграф железнодорожной станции – шеф принимал доклад. На организацию всего этого ушло три дня и двести из пятисот неподотчётных рублей, выданных шефом на обеспечение мероприятия. Искали как и прежде, опрашивая кроме местных торговцев и держателей кабаков ещё и мельников с хозяевами различных факторий: не видал ли кто этого человека (тут описание Туманова снова сгодились), а может слышал о некоем обозе о четырёх подводах и десяти обозниках (эти частности уже шеф лично телеграфировал третьего дня)? В самом уезде было не спокойно, да и откуда взяться спокойствию в лихое время братоубийства и фронтовой неразберихи? Чехословацкие и белогвардейские части отступали на восток, по железной дороге – организовано, а дорогами и проселками – как придется, отставая от основных порядков и часто оказываясь в тылу наступающего противника. И наоборот, наступающие отряды красных часто вырывались

вперёд и обнаруживали себя в окружении белых. Иной раз было и не понять, кто из каких войск и частей будет. И лихих людей по округе было не мало, грабили по случаю всех, кто подвернётся под руку и будет слабее вооружён, особенно зажиточных беженцев с Казани, уезжавших от наступающей на пятки Красной армии. Ну, и кто тут расскажет о каком-то там обозе, когда их вокруг в разные стороны проходит не один десяток? Итог первой недели поисков – ничего не нашли. Совсем. А тут фронт подкатился к Солдатской Письмянке, почти вплотную к зоне поиска, перемещаться по округе стало невозможно, да и чрезвычайно опасно. Сам Клепинов с такой задачей справился бы, но вот братья эсеры откровенно трусили, всё же не военный народ, хотя большинство и служилого возраста. Поиски застопорились. Еще одна неделя прошла впустую. Для получения результата приданных сил и средств категорически не хватало, но шеф настроено запретило подключать к поискам военную власть (это само собой), и вообще, кого бы то ни было без его ведома. То есть, дело было исключительно приватным, так понял Клепинов.

И он решил сменить тактику. Поисковые группы вернул по домам, до особого распоряжения (толку от них сейчас не было никакого, незачем тратить деньги и время), а сам выехал верхом в свободный поиск.

Изучил режим охраны вокзала, дороги и мостов. Убедился, что провести обоз через дорогу под почти круглосуточной охраной невозможно, бронепоезд белых и дежурные разъезды на дрезинах с пулемётами не дадут даже приблизиться к дороге. Как охраняется дорога по ту сторону фронта он не знал. На следующий день, обогнув с северо-запада линию фронта, через балку в разрыве позиций перешёл на другую сторону. От Степного Зая двинулся в направлении Юлдашева, по пути заворачивая в деревушки и хутора, опрашивая местных держателей лавок и простой люд. Ночевал больше в брошенных домах, ночи были уже холодные, в лесу не отдохнёшь без огня. А на огонь разные гости могли заглянуть (ну их, всех). До Юлдашева добрался через день. Выбрал домик на окраине и за червонец легко договорился с хозяином о проживании. Зачем-то натянул на высокую жердину старый валенок, приторочил её к забору и стал ждать.

Капкан

Туманов принял решение временно разместить команду на новой базе, а самому предпринять разведку на местности и по ситуации. Нужно было выстроить стратегию и маршрут движения с учётом изменившейся оперативной обстановки (которая была ему не известна), и с учётом этого пополнить или обновить необходимые запасы для обоза. Всю нужную информацию арьегардной разведкой не соберёшь, хочешь – не хочешь, а придётся снова выбираться *в люди*. Поразмыслив, решил с собой никого не брать, привычка полагаться на самого себя взяла верх и в этот раз. Оставшуюся команду озадачил заготовкой дров и маскировкой следов вокруг базы. Последнее было перестраховкой, так как прямой подъездной путь к ней отсутствовал. Были три тропы для лошадей, малозаметные и скрытые растительностью. Но, в данном случае, такая перестраховка лишней никак не была. Словом, Филатову поставил задачу на обустройство и оговорил с ним действия, в случае своего невозвращения к контрольному сроку (ждать ещё неделю, потом прятать груз и прорываться налегке к своим). Продолжили разговор уже вместе с Аюповым, обсудили возможные действия, при обнаружении им постороннего присутствия, как в прошлые разы – будут действовать в паре с Филатовым. Памятуя описание своей личности, подобрал себе гардероб из имеющейся на базе одежды, выбрав менее приметный и более практичный наряд. После событий в Спасске он перестал бриться, и отпустил аккуратную бородку, сильно изменившую внешность. На второй день, когда был готов к выезду, он выглядел как средний зажиточный крестьянин, едущий по своим делам в соседнее село. Наган да нож за поясом под кафтаном, к седлу приторочен скромный узелок с пожитками. По привычке проверил несущий службу караул, и выехал.

Двинулся севернее, к Волчьей Слободе. Неожиданно слобода оказалась довольно большим поселением, более тысячи дворов. Виднелась пара ветряков на мельницах, дымил кирпичный заводик, на колокольне небольшой церкви надтреснуто звякал колокол. Въехав в городок со стороны тракта в лавки и трактир заходить не стал, проехал почти через всю слободу, и увидев действующую маслобойню направил лошадь к воротам. Представился артельщиком с Екатерининского, недавно прикупившим пару лугов у местных помещиков, переговорил с хозяином на предмет нынешних цен на масло и жмых, посетовал на неразбериху с денежными знаками, и под конец опрокинул с ним стопку за всё хорошее. За разговорами выяснил следующее: белые ушли на восток с неделю тому, с ними все зажиточные слободчане, красные пока не лютуют, но комбеды излишки переписали, знамо дело – скоро будут изымать, так что заводик можно сворачивать. Сам не ушёл из-за супружницы, хворая она, да невестка с детьми на них остались, сын-то у белых третий год воюет, или с белыми, поди разберись-ка нынче. Вот и встречай беду, с открытыми воротами. Туманов аккуратно перевёл беседу на опасность дорог и лихих людей в округе. Маслозаводчик охотно поддержал тему, пояснив, что местная полиция и жандармерия давно дала дёру, и теперь в уезде нет житья от дорожных поборов и грабежей. Ладно бы только мошну трясли, так ведь душегубством не брезгают, ироды. Вона, в наших краях банда Демьяна – сколько душ погубила, а обозов пограбленных и не счесть. Так ведь они же местные все сами, из слободки почти все вышли, и никакого почтения к землякам: своих ещё злее грабят. Седой у него в ватаге, бывший местный кузнец – ох и лютая тварина, той зимой руками дитя у татарина разорвал на пополам, люди говорили. А самую семью в прорубь спустил, в Черёмуху, гадина такая. Ловить их некому, у новой власти нынче другие хлопоты, вот и живут разбоем. Про другие банды слышал, но ничего толкового за них сказать не может, считай в каждом лесе может быть по бедовому человеку. Спроса-то некому учинить за лихое дело, потому и мудрено такой искус выдержать, насилием-то проще жить. Туманов как бы неохотно рассказал историю, что у них в Екатерининском шлялись по людям заезжие, все не местные, с города, да спрашивали людей за обозы, суля награду, если кто что ска-

жет стоящее. И странное дело, маслозаводчик вдруг сбился с плавно текущего разговора, смешался, и скоро вовсе свернул беседу, сославшись на фабричные дела. Ушёл как-то сутулясь, оглянувшись уже от самой двери в маслобойню. Эту странность Туманов приметил. На выезде из слободы завернул на водяную мельницу, поговорил с высоким, рыжебородым мельником, сговорившись в цене за тридцать пудов муки и пообещав прислать приказчика с подводой на неделю. За новую жизнь разговор поддержать мельник желания не проявил, скупно кивая и поддакивая Туманову. Молча ушёл от разговора про местных ватажников и городских искателей обозов. В его глазах легко читалась простая крестьянская, житейская мудрость: подальше от разных проблем, поближе к своему хозяйству. Удовлетворившись и этим, Туманов выехал с Волчьей Слободы дальше на север, в сторону Новотроицкого. Через пару вёрст услышал за собой дробный топот копыт. Его догонял малец на вороном жеребце, азартно лупя плетью лоснящиеся бока коня. Не спеша остановившись на обочине проселка, Туманов подождал, пока малой всадник не осадил разгорячённого коня рядом с ним. Пацан был лет двенадцати, вихрастый и ловкий, в плотном сюртучке по росту и картузе, вымазанных в мучной пыли.

– Дядька, батя наказал передать от што. Пришлые были в слободе, третьего дни. За обозы спрашивали и за одного человека. Так што бывайте, дядька! – развернув коня, малец азартно привстал в стремях и погнал галопом обратно, взбивая рыжую пыль на успевшем высохнуть проселке.

«Вот тебе и мельник, – подумал Туманов. – а ведь мог и промолчать». Дальше ехал размышляя о черном человеке, так нелюбимым Аюповым, и о том, как он сам стал бы искать обоз, возникни такая нужда. И выходила такая картина: судя по всему, этот человек, кроме мистических или магических способностей, наделен определённым оперативным талантом. Он осведомлен о том, что Туманову известно описание личности, по которому его разыскивают, и о том, где и как его искали прошлый раз. А значит он мог предположить, что Туманов изменит внешность и будет теперь избегать показываться в таких местах, в которых его опознали ранее – лавках и трактирах. Но сбор информации Туманову необходим, и он будет его производить в других местах. А каких? А в тех, куда можно свободно попасть местному населению – мельницы, маслобойни, шерстобитные фабрики, храмы и так далее. Информации там не меньше, и народа внимательного побольше. Теперь о внешности: как может изменить её человек, находящийся в походных условиях? Отпустить бороду, как же ещё. И переодеться под местного. Скорректировать описание разыскиваемого с учётом этого большого труда не составляет. Теперь можно предположить, почему маслобойщик так резко утратил разговорчивость – у него были люди таинственного черного человека и он мог узнать Туманова. «Эх, где-ж была твоя умная голова раньше, неужто снова на те же грабли наступаешь?» – зло усмехнулся сам себе. Ничего, в этот раз будет по другому, и он развернул лошадь обратно, в сторону Волчьей Слободы.

В маслобойню въехал уже на исходе рабочего времени, под звучный гудок кирпичного заводика, извещавшего население слободы об окончании очередной рабочей смены и начале следующей. Удивился, узнав этот звук, который иной раз был слышан им в лесу. Хозяин маслобойни закрывал свою фабрику, отпустив работников по домам, и увидев Туманова вырвал из рук большой амбарный замок, который собирался навесить на входную дверь. Побледнев, он неискренне изобразил улыбку узнавания:

– Аа, это вы...

Туманов молча указал ему на дверь и войдя вслед за ним закрыл её изнутри. Сели за стол, напротив друг друга. Заводчик обильно потел и дышал как-то неровно, того и гляди начнёт задыхаться. Туманов молча разглядывал его лицо, читая страх в глазах, и решал, что ему теперь с ним делать. И не видел приемлемого для себя ответа. Наконец он прервал затянувшуюся паузу:

– Как вы меня узнали?

Заводчик съёжился от вопроса под пристальным взглядом собеседника.

– Дык, эта... вот, – он сунул руку куда-то в стол, выудил оттуда желтоватый листок бумаги, размером с ладонь и двинул её к Туманову.

Тот не прикасаясь к листку прочёл, напечатанное типографским шрифтом: «Тридцати трёх лет, среднего роста, физически развит, лицо узкое, возможно с бородой или усами, черты лица правильные, русский, глаза серые, шрам на правой кисти, одет как местный житель. Может спрашивать о людях, интересующихся неким обозом. При узнавании – этот листок сжечь на пламени свечи». Ух ты, какие поправки...

– Почему же не сожгли?

Заводчик тяжело вздохнул, собрался с духом и выдавил:

– Я не хочу встречаться с этими людьми. – вздохнул ещё раз. – страшные люди. Мне кажется, что не переживу этого, понимаете?

– Даже уверен в этом, – кивнул Туманов, добавил помолчав: – Эти люди несут зло. Абсолютное.

Заводчик как-то резко и сразу побелел лицом. Оно стало серым и безжизненным. Через силу поднял глаза и посмотрел на Туманова:

– Я это знал. Как только они появились три дня назад, я понял, это конец.

Туманов смотрел на него, на одинокую слезу, скатившуюся по серой щеке, на суетливые руки, и медленно произнёс:

– От вас ничего не зависело, но сейчас вы поступаете правильно – не стали жечь листок. В противном случае вы погубили бы не только себя, но и всю свою семью, поверьте мне. Да и сейчас ваша семья всё ещё остаётся под очень серьёзной угрозой. Расскажите мне, как всё было? Кто и о чём с вами говорил? Что от вас потребовали?

Человек за столом неожиданно стал более спокойным, и как бы примирился с фатальностью происходящего. Он более ровным голосом начал рассказывать о визите незнакомцев.

– Приехали в полдень, третьего дня. Аккурат на следующий день после того ливня, помните? Пятеро. Один весь в чёрном, средних лет, такой длиннолицый, с документом из самого ЧК. С ним четверо людей помоложе, без документов, но от них шла какая-то угроза, у меня сердце даже прихватило. Расспросил о деле, о семье, о сыне и невестке. – заводчик прерывисто вздохнул, – Только всё он знал, так мне почему-то показалось. Пока расспрашивал, его спутники осмотрели всю фабрику, громко смеялись, везде лезли и трогали, гремели чем то. По хозяйски так себя вели. Они были, как у себя дома, что-ли. Я тогда подумал, что если вот они окажутся у меня в доме... то я потом не смогу чувствовать там себя хозяином. Понимаете? Этот человек дал мне листок, и попросил внимательно запомнить, что там написано, и если я увижу и узнаю вас, то немедленно после вашего ухода должен сжечь его над свечой. Не знаю зачем, я сначала даже подумал, что он пошутил, но посмотрев в его глаза я испугался. Он вовсе не шутил. Он сказал, что очень быстро появится здесь после этого, и отблагодарит меня. Вот этому я не поверил. У него взгляд был такой... Как у мясника на скотобойне, когда он смотрит на телка, которого убьёт через минуту. Он попросил дать ему что-нибудь моё личное, на память, так он сказал. Я подумал ещё, что сейчас начнут грабить – ЧК же. Но он вытащил у меня из кармана носовой платок, весь скомканный, мне неловко стало даже, и забрал себе. Потом просто встал и ушёл, и с ним его сопровождающие. Мне так легко стало, но очень скоро я понял, что они может и ушли, только вот смотрят мне в затылок, что-ли. Не могу объяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.